

А Н Д Р Е Й З В О Н К О В

Врач-терапевт неотложной помощи, автор бестселлера
«Пока едет «Скорая». Рассказы, которые могут спасти вашу жизнь»

ВОРОЖЕЯ

Любви спасены будете

ОСНОВАНО
НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ

Судьба врача –
увидеть больше горя,
чем выпадает многим,
и глубже других
постичь цену
неизбежности...

Андрей Звонков

Ворожея. Любовью спасены будете

«ЭКСМО»

2015

УДК 615.89
ББК 53.59

Звонков А. Л.

Ворожея. Любовью спасены будете / А. Л. Звонков — «Эксмо»,
2015 — (Здоровье России с доктором Звонковым)

ISBN 978-5-457-01868-6

Судьба врача – увидеть больше горя, чем выпадает многим... и глубже других постичь цену неизбежности. У медицинских работников свои, более короткие отношения с опасностью и смертью. И мистика в их жизни тоже своя, связывающая в тугой нерасторжимый узел тысячи жизней, прошедших через их уверенные руки. Как расплести эти спутанные жизни и нащупать среди них ту единственную, что дороже всех прочих? И как увязать ее со своей, если против выступает сила, которая древнее, напористее и изощреннее современной медицины?

УДК 615.89

ББК 53.59

ISBN 978-5-457-01868-6

© Звонков А. Л., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Немного забегаю вперед	5
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	25
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Звонков

Ворожея. Любовью спасены будете

*Памяти
врача «Скорой помощи» Сергея Абрамова
и фельдшера Виктора Червякова,
погибших 4 ноября 1992 года*

Немного забегаая вперед

*Пусть нас разъединят или соединят!
Пусть хоть дустом вонючим потравят!
И магнезию пусть навсегда запретят!
Колпаки пусть носить нас заставят!
Пусть в полях все посева съедят грызуны
И сгниет под нитратами овощ,
Пусть провалится к черту все, в тартарары,
Но останется «Скорая помощь»!*

ВАДИМ ГОЛОВАНОВ

Как это бывает у нас, на «Скорой», очень редко судьба дарит дежурным бригадам в промежуток где-то между полуночью и тремя-четырьмя часами утра неожиданное затишье. Редкая ночь, когда ни у кого ничего не болит, никто в районе не задыхается, никого не беспокоят скандалящие соседи и ни у кого не текут краны... Просто на удивление у всех все в порядке.

И тогда слетаются на подстанцию бригады, извлекается из одежного шкафчика старенькая гитара, и те, кто не ушел спать на жестком топчане, подложив под голову свернутую суконную шинель или наволочку, набитую скомкавшейся ватой, заваривают крепчайший чай, курящие сворачивают из крепких желтоватых «карт вызова» фунтики вместо пепельниц и начинают рассказывать вечные скорпомощные байки или слушать скорпомощные песенки, исполненные черного юмора и здорового медицинского цинизма.

В эту ночь песен не пели. Разговор зашел о парапсихологии и экстрасенсах. Из пяти ночных бригад спать ушла педиатр Симонова, не высидела Марина Захарова, оставив солнечную щебетунью Женю Соболеву, поднялась и, помахав всем ручкой, отправилась во

врачебную – подремать. Не стал бороться с усталостью и врач бит-бригады реаниматолог Лацис. Тему паранормальности поднял доктор Прысков, не усомнившийся в реальности, а как раз наоборот – утверждавший, что не раз наблюдал, как у него самого не раз и не два обнаруживалась способность снимать боль при осмотре. В совпадения он не верил. И утверждал, что есть что-то такое в людях, загадочное и непонимаемое, а главное, отвергаемое официальной наукой.

Самый старый фельдшер на подстанции Борис Акимыч Супрун затоптал докуренную до мундштука «беломорину». Вытер пальцами углы рта, отобрав у меня, второго фельдшера, с которым работал, литровую глиняную кружку, сделал большой глоток чая и сказал:

– Про экстрасексов¹ ничего сказать не могу, это слишком уж умно для меня. Но вот в бытность мою заведующим фельдшерско-акушерским пунктом в Рязанской губернии, когда я был чуток постарше вас, году... дай бог памяти, в шестьдесят пятом, кажется... с колдуньей настоящей дело иметь пришлось. Вот.

Мы притихли.

Женечка Соболева вскочила и, убегая в соседнее помещение к плитам с чайниками, взмолилась:

– Борис Акимыч, подожди, я чайники поставлю!

Чайники – это важно! Собравшиеся давно выдули кипяток, и вновь прибывшим, если таковые обнаружатся, придется ждать, пока согреется новый. Поэтому к чайникам для жаждающих бригад у всех отношение было трепетное и ответственное. Попил сам – подумай о других.

Акимыч милостиво сделал паузу, отпивал из кружки, копался в растрепанной пачке «Беломора», выбирая папироску поцелее, дожидался, пока Женечка вернется к столу, укутается шинелькой и станет слушать, подперев кулаками пухленькие розовые щечки.

– Колдуньей, Акимыч... – подтолкнула Женька, как иногда напоминают людям, посреди фразы забывающим, о чем же это говорили.

– Ну так вот, – начал рассказ наш старый фельдшер, – земля Рязанская полнится разными чудесами, ну, это вы из газет знаете. То озеро найдут бездонное, как Байкал, то пришельцы залетят, а то смерч² пройдет солнечным днем да в тихую погоду... Дело было давно, как уже сказал, еще в середине шестидесятых.

Я как раз закончил медучилище в Рязани, отслужил три года в армии, и вдруг прямо из военкомата, как только я получил паспорт и военный билет, направляют меня в райком комсомола и говорят: «Борис Акимыч, для сознательных бойцов в деле строительства коммунизма у нас есть ответственные посты. Ты человек, прошедший армию, с китайцами повоевал, пороха понюхал... Давай принимай должность. Направляем тебя на новый фронт».

Я обрадовался, подумал, что направляют меня в реанимацию горбольницы. Реанимация – слово новое, модное, она тогда только-только открылась как направление и отделение, нас туда на практику водили аккуратно между окончанием медучилища и армией.

Ан нет! Дали мне разнарядку в деревню, название, скажем, Сосуево, кажись, Касимовского района. Не то чтоб я не помню, но не буду указывать точно. Место там темное. Не хочу рекламировать.

Дали мне разнарядку в деревню, название, скажем, Сосуево, кажись, Касимовского района. Не то чтоб я не помню, но не буду указывать точно. Место там темное. Не хочу рекламировать.

¹ Супрун намеренно коверкает слово.

² В середине 80-х в Касимовском районе пронесся смерч, порушивший частный сектор и некоторые колхозные постройки.

Добирался я туда целый день. Как у Михал Афанасича³ написано... Автобусом-то до Касимова я хорошо добрался, а дальше – тишина. Сперва полдня ждал, пока «кукушка» доползет, это паровозик такой. Там через лес железная дорога вроде как детская – узенькая. И паровозик таскает три вагона. Утром и вечером.

Утром-то я еще автобуса ждал в Рязани, а вечерний приполз только к шести. Жизнь тогда была не то что сейчас, – неспешная. Ну, ежели кто торопится, то пожалста – через гать по болотцу километров пять, комаров кормить! Только там отдохнуть негде. Коли вышел на тропу – иди, кругом вода. Не присядешь.

Приехал, хибарку мою осмотрел – ничего домик.

Амбулатория небольшая. Аптечка при ней. И больничка на пять коек. Процедурная и операционная, она ж родблок.

Устроился я прямо там же в комнатке при амбулатории. Штат – всего ничего: я да акушерка – она же медсестра, да санитарка, – звать Тамаркой⁴.

Я с делами познакомился, бухгалтерию перетряхнул и на следующий же день в район, в райздрав, доложить, что дело принял, заявку оставить на медикаменты, инструменты, и если им меня не жалко, то, может быть, выпишут ссуду на мотоцикл с коляской, чтоб мотаться по окрестным деревням, коих всего в моем попечении оказалось шесть.

Заявку приняли, с лекарствами и инструментами обещали помочь, а по поводу мотоцикла – кукиш показали. Нету денег у райздрава на мотоциклы. Используй, говорят, смекалку и прояви находчивость. Вернулся несолоно хлебавши.

Народ потянулся на прием. У кого чирьяк, у кого радикулит, у кого зуб, кто полпальца топором отхватит... разные люди. Один раз в неделю – две стоматолог приезжал со щипцами. До вечера надергает зубов полный тазик, и прости-прощай до следующего раза. А хочешь, чтоб он тебе в зубе дырку сверлил, пломбу ставил, – езжай в район, сиди в очереди. Хорошо, если за день справишься.

Нашим-то лень, да и как летом хозяйство оставишь? С пяти часов на ногах до позднего вечера... Не поверите, ни читать, ни радио слушать времени нету... утром какая скотина есть – кормов задать, убрать-постелить, птицу выгнать на двор, коз привязать на лугу да бегом на ферму, там до вечера, а вечером опять – хорошо, если корова дойная, так и подоить два раза в день, скотину загнать, кормов дать и уже без ног упасть на лавки, а у кого есть – в кровать с панцирной сеткой.

Вот и не ездит никто, приходят на щипцы. Почитай, вся деревня беззубая ходила, у кого одного-двух, а у кого и полрта не доставало. Ничего, деснами терли, ели и ни про какие гастриты не вспоминали.

Но отвлекся я. Вызывают тут меня в конце лета в райком и мордой об стол:

– Комсомолец Акимыч, а почему на вашем участке процветает мракобесие и полное засорение мозгов?

Я – ни в зуб ногой. Чего я проворонил?

– Ничего не знаю, – говорю. – Никакого мракобесия не встречал.

– Бдительность потеряли! Сытно спите, крепко жрете у себя там в советской деревне?! А враг не дремлет!

Тут до меня стало доходить, что это они про бабку Василису толкуют.

³ М.А. Булгаков. «Записки молодого врача».

⁴ Супрун использовал оборот из народной песни «Армия»: «Бежит по полю санитарка, звать Тамарка, все в порядке, с большою клизмой в руках, трехлитровой от запора. Бежит по полю Афанасий семь на восемь, восемь на семь, в больших кирзовых сапогах, сорок пять, на босу ногу, чтоб под мышкою не терло. А я парни-и-и-ишка лет шестнадцать, двадцать, тридцать, может, больше, лежу с видирванной ногою, челюсть рядом, нос в кармане, притворяюсь, будто больно, будто больно, очень больно».

– Ну, есть такая. Карга старая. Ей уж небось лет двести или триста... мхом поросла уж вся! Какой она враг?

– Самый страшный враг, – говорят, – не тот, что из-за океана ракетами да бомбами грозит, а тот, что под боком разлагает передовое советское крестьянство! Препятствует победному шествию крестьянства в коммунистическое будущее! А фельдшер-комсомолец спит и не видит, как вредная народная пропаганда знахарства ползет по району!

– Хорошо, – говорю, – поеду искоренять, задание понял.

И первым же делом на перекладных в самую дальнюю деревеньку, кажись, Брыскowo на десять дворов, где, по слухам, и жила бабка Василиса. За полями, за лесами да позади болот...

Слыхать-то я про знахарку слышал, а вот видеть до того момента не приходилось. Приперся я к ее избушке уже в сумерках, стучу. Тишина. Дверь в сени не приперта, значит, в доме хозяйка. А чего ж молчит?

Слышал я, что очень стара она. Не дай бог, померла, пока ей в райкоме кости перебивали да мне мозг полоскали!

Я зашел в сени, покашлял для приличия. Молчок. Сапоги скинул, стою в портянках, кепку в руки взял, не принято порог переступать в шапке-то, и вхожу.

В горнице лампочка горит. Значит, электричество есть. Значит, и хозяйка где-то рядом. Чистенько, светло, все прибрано, от полов аж сверкает. Ну, думаю, неужели старуха в такой силе, что дом содержит, хозяйство блюдет и такую чистоту наводить может?! И запах... свежего хлеба!

Я у порога встал, говорю:

– Вечер добрый, хозяйева!

Опять тишина. И такая, знаете, тишина, ну вот, наверное, как в гробу, когда на два метра закопают. Тише не бывает. Аж уши заложило. До звона. Гляжу, из-за печки котяра выходит. Рыжий, мордатый. Глазищи желтые, и так внимательно на меня смотрит, будто он тут за хозяина, а я непонятно зачем приперся.

Был бы черный, я, может, струхнул бы сильнее, а этот рыжий с наглой мордой показался своим парнем. А я как прирос к порогу, не могу шагу ступить дальше. Притолока низкая, сгорбилась, кепку в руках мну и ни тпру ни ну... Вдруг сзади меня кто-то толкает, и слышу голос:

– Что встал, милоч, проходи давай.

И будто пленка прорвалась передо мной, я шаг вперед делаю, и вдруг разом: горница серенькая, углы в паутине, под потолком лампа керосиновая, с прошлого века не протиралась... на дощатом колченогом столе книжка толстенная с желтыми страницами, и каракулей в этой книжке... ничего не понять!

А рядом со мной и правда – карга. Нос крючком, горб угловатый, как его, этот... – Акимыч постучал пальцем по столу, – сколиоз! Бабка в тряпье каком-то ветхом. Изо рта торчит один клык, руки жилистые, пальцы узловатые черные, и смотрит она на меня одним глазом, второго не видно, из-под платка выбиваются седые космы, прикрывают.

А рядом со мной и правда – карга. Нос крючком, горб угловатый, как его, этот... – Акимыч постучал пальцем по столу, – сколиоз! Бабка в тряпье каком-то ветхом.

Ну, думаю, попал к бабе-яге! Прямо с экрана, из сказки «Василиса Прекрасная». Ну точь-в-точь!

Одно утешало – что печка у нее не русская, а голландка, значит, на лопату не посадит, в топку не наладит... И то хорошо. Но все равно страшновато было.

И какие-то мысли бредовые бродят в голове: думаю, а чего это она? И все. Чего «чего»? Не знаю. А бабка меня протолкнула, сама в горницу прошла и все так же, глядя на меня одним глазом – вторым-то она, оказывается, что-то на полу высматривала, – спрашивает:

– И что это в наши края ученого фельдшера занесло? Или современная наука не справляется?

Хотел я ей ответить, как меня в райкоме настроили, да язык к зубам прилип. Только и смог выдать:

– Здравствуйте, баба Василиса...

Только сказал, все снова поменялось. Опять горница светлая, кот по полу гуляет, хвост трубой! Стол накрыт, самовар на столе, массивный такой, на пару ведер, а передо мной никакая не бабка, а довольно молодая, лет так сорока пяти – пятидесяти, женщина в сорочке расшитой, юбке широкой из ситца с васильками. Руки и правда жилистые, трудовые. Зубов как положено, и ни один не торчит, все белые, ровные. Глаза серые, с прищуром, а волосы хоть и с сединой, но туго сплетены и прибраны, только видны железные шпильки, да на груди ожерелье с деревянными фигурками резными. Она мне и отвечает:

– Здравствуй, Борис Акимыч, коли не шутишь! А чего это ты меня в бабки записал?

Я молчу. А что сказать? Что пришел искоренять ее как класс? Что я такой весь из себя активист-комсомолец, пришел бороться со знахаркой?

– Хотя, пожалуй, все верно – бабка я. Ведьма...

Нет. Не то чтобы я скис, испугался... Конечно, не без этого, когда она мне бабой-ягой показалась, струхнул, конечно, что и говорить.

А теперь, когда вот так встречает с самоваром да за стол приглашает, ругаться как-то неудобно. Про себя думаю: надо бы миром дело решить. Она мне чашку с чаем придвигает, ватрушку с творогом кладет. Как она сказала «ведьма» – меня будто электричеством по спине от копчика до макушки.

Я выдал «спасибо» и никак о главном заговорить не могу. Так сидим, чаи гоняем из блюдечка. Молчим. Чувствую, кто-то должен первым заговорить, думаю, пусть она... Все-таки пока слово не сказал, ты его хозяин, а как выпустил, оно главнее. Наконец она начала.

– Ладно, не тужься, фельдшер, – говорит. – Можешь ничего мне не объяснять. Ты еще из райкома выходил, а я уж знала, что будешь ты у меня в гостях. Только сразу скажу: ссориться нам незачем. Ты вот пришел с миром, не грубил, не угрожал, и я к тебе с любезностью. Теперь выкладывай: что сказать хочешь? Только честно.

А я дурак дураком. Про все спросить хочется. И как она лечит людей? И отчего я в дом войти не мог? И почему она то старухой кажется, то нет? Да как-то неудобно.

– Да ничего, – говорю, – хотел вот, теперь не хочу. Смысла нет.

А она, будто мысли мои прочитала, на одном дыхании говорит:

– Дурни райкомовские знать ничего толком не знают, не понимают, а судят. И мне ведомо, откуда там этот ветер дует, но тебе пока не скажу. Ни к чему. Этот ретивый деятель еще себе зубки-то пообломает. Я – бабка. А это знаешь что означает?

Мне только сил хватило головой помотать, не понимаю, о чем это она.

– Это значит, что я колдунья, ведьма⁵ по-нашему.

Мороз опять подрал по спине. Не поверите, задницей к скамейке примерз, так зазнобило. Но с силами собрался и говорю:

– Предрассудки это, миф. Ведьм не бывает!

А она смеется!

⁵ Ведьма – от «ведать», «знать». Синоним – знахарка. В разных краях России смыслы и слова для обозначения таких женщин были разные. До современности дошли некоторые: ведьма, колдунья, знахарка, целительница, многие замещены импортным словом – «экстрасенсы».

– Миф, говоришь? А то, что у тебя задница в скамейку вросла, тоже миф? И то, что ты боишься меня, тоже миф? А сам-то о чем думал, когда пришел? Сказать?

Я только и смог, что покачать головой: «Не надо».

Я себя щупаю, точно, вот портки, а вот уже скамейка, и между ними ни малейшей щелочки, и седало такое деревянное стало... не поспоришь. А она смеется уже вполсмеха:

– Не то беда, что маловерные вы, а то, что настоящую науку не видите, а дурь всякую наукой называете... Запомни, медик: без любви науки быть не может.

Горько так сказала, серьезно. Как мне с ней спорить? И рад бы не верить, да встать не могу. При чем тут любовь? О чем это она? Силенок, однако, набрался и говорю:

– А что ж наука-то? Какая в любви наука? Чё я, девок не видел?

Она совсем посерьезнела, стала чашки со стола убирать и молвит:

– Простой ты. Не скажу – примитивный. Но простой. И ведь людям хочешь помогать. Так? Вот ты на фельдшера выучился зачем?

Я плечами пожимаю. Что значит «зачем»? У меня сосед – шофер на «Скорой» был, он посоветовал после школы в медики идти, работа чистая, интеллигентная, вот я и пошел. Мне понравилось. Но как это бабке Василисе объяснить?

А она продолжает:

– Наука, парень, в нас самих, в любви к природе, к людям, без нее нет понимания, научись любить, Борис Акимыч, и многие тайны откроются, поймешь, что наука вон в лесу, каждом дереве, травинке, корешке... В тебе, во мне. Постарайся увидеть суть вещей. Учись видеть кругом себя. Говорить ученые слова – большого ума не нужно. И ворона может. Полюби людей. Не на словах, не по обязанности – от сердца полюби. Такими, какие они есть. Живые. И не ленись учиться. Всю жизнь. Вот мне уж... неважно. А я все одно – учусь.

Я крикнул.

– Всю жизнь, что ли, учиться? Это ж как?

– А хоть бы и всю жизнь. Иль ты думаешь, что я не училась? Еще раз скажу – учусь. Вот с тобой говорю и учусь. И скажу тебе – спасибо. Кое-чему научил меня – ведьму старую. Но повторю: люби людей и будь к ним милосерден, тогда многое поймешь.

Сижу я, пытаюсь бабку понять, а мысли, будто дробь свинцовая в голове, так и пересыпаются. С хрустом! Бурчу: «Ничего я не думаю», а про себя: «Завела бодягу: возлюбите ближнего, подставь правую ягодицу, если пнули тебя в левую». А бабка Василиса опять смеется:

– И верно, к чему думать? Это ж трудно! – На ходики глянула. – Одиннадцатый уже! На заре вставать! Давай-ка стелиться.

Думаю, и где она меня положит? И кем я завтра встану? Колдунья ж! А она со стола убрала, ко мне поворачивается и спрашивает:

– На сеновале ляжешь или в горнице?

– На сеновале, – отвечаю, а про себя думаю: там безопаснее, и такая мыслишка глумливая: а дочери или внучки у нее нет? Однако бабка Василиса ничего не сказала. То ли не стала мысли мои читать, то ли деликатность проявила. Не знаю.

– На сеновале, – отвечаю, а про себя думаю: там безопаснее, и такая мыслишка глумливая: а дочери или внучки у нее нет?

Дала она мне наволочку, одеяльце шерстяное солдатское... И провела с лампой на двор, показала, где сеновал. Я набил наволочку свежим сеном, укрылся одеяльцем, как шинелькой, и провалился.

Сны снились... не то чтоб страшные, но какие-то странные. Мама приснилась, отец, погибший на войне. Я его и не помню. Но точно знаю – отец снился. Ничего они не говорили, только смотрели. Друг на друга... а меня будто и не видели. Потом исчезли.

И совсем под утро, помню, что-то необыкновенное снилось и не так чтобы приятное: лица, животные, и все ходят куда-то. То ли хороводом, то ли в направлении, но я не понял... потом уже что снилось, не помню.

С сеновала слез, студеной водой из бочки глаза промыл – и в горницу. А там опять серые стены, стол колченогий, книги нигде не видно. Рыжий котяра на табуретке дремлет. А у стола, на скамейке, сидит ветхая старушенция, не та баба-яга, а совсем дряхлая... нос подбородка касается, и непонятно, в чем душа держится. Я ей:

– Доброе утро, бабушка, а где бабка Василиса?

Затряслась она, захихикала...

– А я это, – говорит, – или не признал, с кем вчера чай пил да ватрушки нахваливал?

Тут у меня сердце и дало такую серию экстрасистол, аж в макушке отразилось.

Вот и выходит – не верь глазам своим! Я хоть и комсомолец, а от страха перекрестился. Ничего – бабка осталась бабкой. Взяла она меня за руку и жалобно так просит:

– Милок, ты прости меня. Срок мой подходит. Приезжай на Крестовоздвижение.

(Будто я знаю, когда это.) Она поясняет:

– Двадцать седьмого сентября. Я тебе передам кое-что... гостинец приготовлю. Только обязательно приезжай. Одна ведь я!

Ну что сказать? Пообещал. И засуетился что-то, да еще меня в район в этот день опять вызвали, в общем, вспомнил я о Крестовоздвижение и обещании, когда услышал колокола. Бабку, мимо идущую, спрашиваю: почему звон? Она и сказала. Меня будто током прошибло. Обещал же! А куда? Уже вечер... Думаю, ладно, завтра к ней поеду. Велика важность?! Да вот что-то точно толкало меня. И, как назло, ни одной попутки. Смотрю – подвода, я к мужику:

– Отвези.

– А что случилось?

– Вызов у меня к бабке Василисе.

Мужик аж с лица спал. Помрачнел. Я ему:

– Мне быстрее надо...

А он словно вареный. И чем больше я его тороплю, тем он медлительнее и медлительнее... Наконец посулил я ему бутылку купить, так он, пока я из сельмага чекушку не принес, не шевельнулся.

Потом мы потроухали. В деревню въехали, я с подводы соскочил. Мужик сразу на разворот и давай нахлестывать! Хорошо, луна полная, как фонарь. Да сам не знаю, чем еще светило, но я напрямик через огороды к Василисиному дому. Подошел, а он еще страшней, чем в первый раз. У меня часы «Победа» от дядьки-фронтовика остались, там стрелки светятся, я только перешагнул порог, и стрелки на полуночи – раз, сошлись.

В горнице вижу: лежит бабка Василиса на лавке, руки на животе сложила, на груди у нее книга, а на книге – кот сидит. Ровно статуэтка. Я про себя даже не подумал, что бабке тяжело дышать, должно быть. Глазищи в темноте светятся. С неба луна засвечивает в дом. Бабка лежит желтая, восковая, не шелохнется. Умерла, что ли? А она говорит, не открывая рта и вообще не шевелясь. Я вот точно ее голос слышу:

– Ты опоздал, фельдшер. За опоздание – накажу! А за то, что вспомнил все-таки обо мне, я тебя награжу. Возьми мою книгу и кота. Книгу читай, может, ума наберешься, а кота корми, дай ему дожить до старости. Если научишься людей любить и природу понимать, откроются тебе тайны, а если нет, так дураком и помрешь и всю жизнь будешь опаздывать к тем, кто от тебя помощи ждет!

Сказала так, что я не сразу в себя пришел.

И все. Кот спрыгнул с хозяйки и стал о ногу мою тереться, мурлыкать.

А я Василису законстатировал, написал справку о смерти, досидел до утра с покойницей. Потом справку в сельсовет отдал, чтоб похоронами занялись, и к себе в амбулаторию.

Котьяра бабкин прожил у меня два года, мышей ловил до самой дряхлости, потом ослеп. Но я его кормил, витаминами подкалывал. И ведь что обидно, наказ бабкин исполнялся на сто процентов. Опаздывал я. Уж и мотоцикл появился, и телефон провели, а все равно опаздывал. Не то чтоб люди умирали, хоть и всяко бывало, но каждый раз я чувствовал: мог бы раньше, хоть бы на чуток раньше!

Когда кот умер, я его схоронил в лесу. И в ту же ночь бабка Василиса мне приснилась. Такой, как была в тот мой первый приход к ней, – молодая сильная женщина с сединой в волосах и серыми смешливыми глазами.

– Пора тебе жениться, фельдшер. Завтра к вам новенькая медсестричка приедет. Она сирота. Сватайся через полгода – не откажет. А завет я с тебя снимаю, потому что завет мой выполнил, и награжу. Будешь теперь успевать к своим больным, никто у тебя не умрет, пока рядом будешь.

Я и в самом деле женился на новенькой сестричке, с тех пор уж тридцать лет вместе. Книгу я сберег. Читать не читаю, больно мудро написано. Вроде по-русски, а ни хрена не понять.

В кухню вошла диспетчер. Толкнула окаменевшую Женьку:

– Соболева, поднимай своих, у вас вызов!

Женька глубоко вздохнула и пошла будить врача и водителя. А мы сидели, забыв дышать. Наконец Сашка Медведев сказал:

– Мистика с фантастикой.

Борис Акимыч хитренько усмехнулся.

– Фантастика в том, что мы с трех до семи просидели без единого вызова!

Все засмеялись. Действительно! Будто и больные все наши заслушались истории Бориса Акимыча...

Я смотрел вслед уходящей Женечке. А перед глазами стоял ее образ, как она слушала Супруна, синие глаза, соломенные волосы, выбивающиеся из-под черной шапки-ушанки с золотистой кокардой СМП с красным крестом, курносый носик и детские губки, не нуждавшиеся ни в какой помаде.

– Хорошая девчонка, – сказал Борис Акимыч, положив мне руку на плечо, – может, замуж выйдет – повзрослеет? А пока – балаболка. Ты это, Андрюха, собирайся в институт-то, я бригаду сдам... не волнуйся.

Он пошел к выходу. Если за оставшиеся полчаса вызов не дадут, можно будет выгрузить вещи из машины.

«Хорошая девчонка Женя, но балаболка», – подумал я. Акимыч очень точно определял характеры людей. Образ блондинки перекрылся шатенкой с шоколадными глазками и оливковым личиком. Я почувствовал себя ослом, стоящим между двумя кормушками, и никак не мог решить: из какой же начать есть?⁶

А потом мне вдруг вспомнилось, что за долгие годы работы на «Скорой» за Супруном закрепилась слава животворца, ведь ни разу на его руках не умер человек. Какие бы тяжелые случаи ни встречались. Довозил живыми.

Эта история мне вспомнилась позже, хотя услышал я странный рассказ фельдшера Супруна еще задолго до трагических событий, свидетелем которых довелось мне стать спустя несколько лет.

⁶ Осел Буридана, одинаково сильно страдавший от голода и жажды, умер, так и не решив, что же делать раньше – пить или есть?

Борис Акимыч доработал до шестидесяти пяти, до самой перестройки и приватизации, и ушел на пенсию. Как потом жил и сводил концы с концами, не знаю.

И я бы не вспомнил о нем, если бы... мне не встретились, уже когда я взялся за эту повесть и общался с разными людьми, собирая материал, названия деревень и легенды о древних колдунах в Мещере, Рязанской области и селах: Ласково, Солотча, Клепики...

Совпадения? Сперва я так думал, но чем ближе история подходила к финалу, тем крепче я убеждался, что совпадений не бывает. Как не случайно я принял решение написать эту книгу. Всему есть причина, и всякое действие оставляет следствие.

А дело в том...

Часть первая

Сутки через двое

*Пожалуйста, не умирай,
Или мне придется тоже...
Ты, конечно, сразу в рай,
А я не думаю, что тоже...*

3. Рамазанова

Глава 1

Новобранцы, отравление

Дело в том, что я учился в одном училище с очень миленькой девушкой. Она была на пару курсов младше. Мы встречались после занятий. Я никак не мог решиться сделать ей предложение, как не мог познакомить ее с мамой. Что-то внутри меня подсказывало: мама ее не примет. Интуиция меня не подвела. Что это было с ее стороны – ревность? Не знаю. Может быть, то, что в группе и на курсе было такое количество девчонок, что о Вилечке Стахис я вспоминал, только если встречал ее в коридоре или столовой училища.

Меня распределили на «Скорую помощь», и на подстанции я познакомился с молодым врачом – Виктором Носовым. Мы сдружились.

С девушкой этой я встречался все реже. У нее госы, у меня дежурства сутки через двое. А потом...

Потом наступила весна. Апрель.

Пятое апреля. Время близилось к обеду. Носов поднялся на второй этаж подстанции и увидел возле кабинета заведующего маленький табунчик распределенных после окончания медучилища фельдшеров. Медленно проходя мимо, он обратил внимание на двух девушек.

Они были примерно одного роста, но на этом их сходство и заканчивалось: девушка в сером длинном пальто, со светлыми пышными волосами непрерывно говорила, и ее звонкий голосок разносился по всему второму этажу подстанции. Кто-то из работников, сидящих у журнального столика, заполняя карточку, попросил:

– Ребята, если можно, потише!

И говорунья притихла ненадолго.

Вторая, с прической темным шариком, в джинсах, заправленных в сапоги, и лохматой курточке, резинкой стягивающей узкую талию, отчего она больше всего походила на молоденькую курочку-рябу, тихо стояла у стенки и то ли думала о чем-то, то ли молча слушала. Носов не заметил, как она подняла длинные ресницы и проводила его взглядом, темным и печальным. И уж тем более не заметил он мелькнувшего интереса в этом взгляде. Он зашел в комнату отдыха и, покопавшись в своей сумке, достал новую пачку чая и кулек с сахаром.

Пришло пополнение на подстанцию, подумал Носов. Он вспомнил, как сам больше восьми лет назад пришел после медучилища на подстанцию, правда, на другую, отработал месяц и загремел в весенний призыв.

Они тоже толпились возле кабинета заведующего или заведующей, проходили инструктаж, расписывались, после чего их принимал в теплые заботливые руки старший фельдшер и стал вписывать в график, рассаживать стажерами на бригады.

А потом через месяц повестка в военкомат, ГСП на Угрешке и тревожные сутки... Куда? Где придется служить? Виктору повезло, вечером первого же дня примчался запыленный прапор с музыкантскими значками в петлицах и, бегая по коридорам, говорил: «Мне надо успеть к фильму...» Носов сообразил, что, если сейчас 19:00, а вечерний сеанс по первой программе в девять тридцать, значит, прапор служит если не в Москве, то где-то рядом, и ходил за ним словно тень.

В канцелярии тот сказал:

– Мне нужен ветеринар.

– А вон он, кажется, – махнул офицер на маячившего одиноким привидением в коридоре Носова, который издавдала никак не мог разглядеть его звание.

– Точно? – спросил прапорщик.

– Точно, – убежденно сказал офицер, всегда путавший ветеринаров и фельдшеров.

Уже в «газике» прапорщик стал перелистывать личное дело Носова, обернулся к нему и сказал с возмущением:

– Так ты – фельдшер?!

– Да, – кивнул Носов, глядя на дорогу и отмечая, что кольцевую они уже пересекли.

– Вот гад! – ругнулся себе под нос прапорщик, имея в виду то ли офицера на ГСП, то ли Носова...

Но подумал, что если сейчас развернет машину и поедет обратно, скандалить и возвращать призывника, то к фильму точно опоздает. Поэтому прапор махнул рукой, мол, ладно, отбреншусь как-нибудь! И правда, отбреншался, мало того, на следующий день он привез ветеринара в часть, да не одного, а двух!

Вот так Виктор попал в Отдельный кавалерийский полк в одном из подмосковных городков, который был создан для съемок «Войны и мира», и с тех пор солдаты-кавалеристы снимались почти во всех фильмах с участием гусар, красных конников и в прочих исторических картинах, где не обойтись без лошадей и кавалеристов...

От армии у Носова сохранились два воспоминания: всегда хочется есть и спать. Оказалось еще, что он не любит лошадей.

Сейчас Носов сидел в кухне между холодильником и столом, прижавшись боком к теплой чугунной батарее, и заваривал чай. По кухне медленно перемещалась необъятная Павлина Ивановна и протирала тряпочкой столы, мыла плиту и в конце концов, взяв в руки швабру, потребовала от Носова:

– Поднимите ноги, доктор!

Виктор подтянул рубчатые туристические ботинки к самому сиденью и подождал, пока Павлина сделает вид, что помыла пол...

Он вспоминал последний вызов: «И смех и грех. Если будет возможность собраться и посидеть полчаса в пересменок вечером, расскажу ребятам за чаем...»

Обычная трехкомнатная квартира: прямо коридор, налево кухня с ванной и туалетом, чуть дальше по коридору налево одна комната, вторая и большая с балконом.

Дверь открыла невысокая кругленькая смуглая женщина. И заговорила очень быстро с характерным кавказским акцентом, так что слова сливались, и Носов улавливал смысл в основном по интонациям:

– Проходите, доктор, проходите. Дочка моя заболела совсем. – Она стояла рядом с Виктором, пока он мыл руки в ванной, держа в руках свежайшее махровое полотенце, и причитала: – Живот болит. Не ест ничего, криком кричит.

Носов хмыкнул себе под нос от такой тавтологии и, вытерев руки, сказал:

– Спасибо. А где больная?

Женщина повела его в комнату. На неразложенной софе, накрывшись байковым одеялом, лежала девушка. Носов никогда не мог определить на глаз возраст южанок. Всегда

оказывалось меньше. Вот и на этот раз он определил, что ей года двадцать три, ну, может, двадцать пять. Лежала она на боку, свернувшись калачиком и закусив губу. Длинные вьющиеся сине-черные волосы разметались по подушке.

На неразложенной софе лежала девушка. Лежала она на боку, свернувшись калачиком и закусив губу.

Носов перевернул девушку на спину, стал осторожно ощупывать живот, наблюдая за выражением ее лица. Та застонала, когда Виктор тихонько прошелся внизу справа, пытаясь разобраться, аппендицит или придатки. Мать стояла у него за спиной и, похоже, мучилась не меньше дочери. Он стал расспрашивать, собирая гинекологический анамнез, но, зная южную импульсивность и обидчивость, старался подбирать слова, спрашивая о последних месячных, регулярности, и все никак не мог себя заставить спросить ее о половой жизни, потому что мать стоит за спиной, а никаких признаков замужества: ни кольца, ни следа от него – Носов не увидел. Он наконец сообразил и спросил:

– Вы замужем?

За девушку ответила мать:

– Да, он сейчас в армии, – она зачем-то пошевелила пальцами, – служит.

По лицу женщины врач понял: брак этот мамашу не радовал.

Носов принялся так же осторожно выяснять, когда в последний раз у девушки был контакт с мужем. А мать, поняв, что Виктор подводит к возможной внематочной беременности, сказала просто:

– Нет. У нее не может быть беременности!

Носов удивился:

– Почему?

– У нее стоит эта... как ее? Ну, эта – пружинка! – сказала мать.

Носов удивился еще больше:

– Какая пружинка?

– Внематочная, от беременности, – простонала сквозь зубы девушка.

– Спираль внутриматочная? – уточнил Носов.

– Ну да, – подтвердила мать. – Зачем три? – удивилась она. – Одна внематочная пружинка.

Виктор начал выяснять, была ли беременность. Ведь спираль не ставят нерожавшим или только после аборта. Женщина как-то неохотно отвечала, а по лицу девушки Носов понял: сделала аборт, но, видно, тема эта для нее очень неприятна. И как-то отводила она глаза, когда мамаша говорила про «пружинку». Точно ли стоит?

Носов так и повез ее с двумя диагнозами: острый аппендицит и подозрение на внематочную беременность. В приемном отделении хирург с полтычка определил аппендицит, и девушку сразу подняли в операционную. А Носов поехал на подстанцию и все хмыкал себе под нос. Вах! Зачем три? Пружинка!

Стажеров-фельдшеров раскидали по бригадам. А Носова обделили. Двух девчонок посадили на спецбригады: говорливую блондинку, Женю Соболеву, – на детскую, а молчаливую смуглянку – на реанимацию (восьмая бригада).

Как выяснилось, шатенка оказалась дочкой заведующего подстанцией. Звали ее Вилена Стахис.

Носов с ней не знакомился до мая. Нет, конечно, они знали друг друга, здоровались, когда встречались, но поговорить им как-то не удавалось... Носов немного стеснялся ее и первым с разговором не лез... Они только переглядывались, как пассажиры в метро, если случалось в большой компании сидеть на кухне и пить чай...

Носов вышел на дежурство первого мая и с удивлением узнал, что к нему в бригаду записана В. Стахис... Он обрадовался и, когда они наговорились, вечером предложил ей съездить после дежурства куда-нибудь погулять, например в парк им. М. Горького. Вилена неожиданно и совершенно не ломаясь согласилась...

Покачиваясь от усталости после бессонной ночи и дневного променада, Виктор провожал ее домой и поцеловал в щечку у подъезда. Вилена, не кокетничая, взмахнула пушистыми черными ресницами и сказала весело:

– Пока! Если хотите, доктор Витя, можем завтра увидеться снова. Сегодня мы после дежурства, уставшие. Хотите?

Виктор хотел. Дома вдруг на него навалилась бессонница, и он проворочался до четырех, потом уснул, и ему снилась Вилечка Стахис, только у нее почему-то были волосатые отцовские руки и толстые короткие пальцы вместо изящной тонкой ладошки, которую Носов держал сегодня весь день и не мог отпустить...

Виктор жил с мамой и собакой колли по кличке Дина. Он был поздним ребенком. Ну, наверное, все-таки относительно поздним. Его маме Анастасии Георгиевне было всего тридцать два, когда она второй раз вышла замуж и у нее родился Витя.

К этому времени она успела овдоветь и потерять дочь. Ее первый муж – врач, профессор-морфолог Михаил Яковлевич Исаковский, известная в медицинском мире сороковых-пятидесятых годов величина, – был подметен делом врачей и скончался от сердечного приступа в Бутырке.

Чем не угодил властям врач, специалист по раку? Невозможно объяснить. Зависть, злоба человеческая, мало ли причин и способов для устранения неугодных? А через год по нелепой случайности, купаясь в Клязьме, утонула ее дочь Таня. Поехала с подругами отдохнуть на водохранилище. Что толку описывать горе Анастасии Георгиевны? Как она пережила то время? Одному богу известно.

Прошло время, раны утрат понемногу затянулись, и тут за ней стал ухаживать молодой и красивый Вася Носов, фронтовик, инженер-технолог и мастер золотые руки. Анастасию только-только реабилитировали, она избавилась от ярлыка «жена врага народа». Ее восстановили в прежней должности конструктора в секретном НИИ. Там же появился и Василий. Они встречались меньше года, Вася сделал предложение, и Анастасия Георгиевна согласилась, но с одним условием: что сохранит фамилию первого мужа, которого продолжала любить и помнить после смерти.

Вася все отлично понимал. Анастасия была старше его на пять лет и никогда ничего не говорила ему о любви, но Васиных чувств с избытком хватало на двоих. Жили мирно. Не скандаля и не ругаясь. Заботились друг о друге, понимая, что нет у них больше никого.

Спроси в то время Анастасию о любви – вряд ли бы ответила. Внешне ничем она не выдавала пепла в душе. Всегда приветлива, любезна, очень интеллигентна. И слез ее никто не видел. Мужа всегда называла Вася. Спешила домой вечерами, готовила ужин, непонятно, но как-то находили общий язык и общие интересы.

Через год родился Витя, и у Анастасии Георгиевны появился объект для искренней любви. Василий Васильевич дожил до пятидесяти пяти лет, сильно располнел и, уже когда Виктор учился в институте, на почве увлечения рюмочкой однажды жарким днем схлопотал инсульт, из которого еле-еле выбрался, а в больнице, за день до выписки, его накрыл второй, еще более тяжелый удар, и спустя неделю Анастасия Георгиевна овдовела во второй раз. И опять горела внутри, не выдавая горя и слез не тратя.

– Тогда держи. – И друг извлек из сумки рыжего щенка, похожего на лисичку, с белой стрелочкой по носу.

Виктор смерть отца перенес тяжелее матери. Он очень остро ощущал свое бессилие, перелопатил горы книг по неврологии, поднял всех друзей и знакомых, доставал дефицитные препараты, даже сверхдефицитный церебролизин, вечерами сидел у отца в больнице, подменяя мать, и мыл, и перестилал, и выносил, умом понимая, что надежды нет.

А после института распределился на «Скорую». Вообще-то его не особо и спрашивали – почти весь курс загнали на 03. В памяти сохранился месяц работы фельдшером до армии. Каких-то специфических интересов за время обучения Виктор не обрел, поэтому динамичная работа на машинах пришлась по сердцу.

Через год после смерти отца к Виктору однажды вечером приехал старый армейский друг с большущей сумкой на «молнии». Из сумки доносилось сопение и повизгивание. Друг поставил сумку и, видя недоумение Носова, спросил:

– Ты кого больше любишь – блондинок или брюнеток?

– Ну, блондинок, – с опаской сказал Виктор.

– Тогда держи. – И друг извлек из сумки рыжего щенка, похожего на лисичку, с белой стрелочкой по носу. Щенок, расползаясь лапами на линолеуме, тут же присел и напрудил. – Кличку придумаешь на букву «Д», отца Дарьялом звали. Я потом позвоню, скажешь, как назвал. Это нужно для родословной.

Носов удивился, присел на корточки, погладил щенка.

– Это так серьезно? Именно на «Д»?

– Очень серьезно. Но только не Джесси, Долли или Дженни, их сейчас много по Москве. Придумай пооригинальнее.

Друг процитировал из «Гусарской баллады»: «Цыганка нагадала любить шатенку мне...»

– А ты, значит, блондинок предпочитаешь?

Носов отмахнулся:

– По мне все хороши, лишь бы человек хороший попался. Шатенки тоже вполне...

Так в доме появилась огненно-рыжая Динка, а вместе с ней драные обои, изгрызенные ботинки, перекушенные провода и обточенные остренькими щенячьими зубками ножки стульев.

Носов не был мизантропом или женоненавистником, не имеющим интереса к противоположному полу, пожалуй, наоборот, изрядно погулял на первом и втором курсах, дело чуть не дошло до отчисления... Но ректор пожалел его, и ограничились лишением стипендии на один семестр да выговором без занесения в личное дело по комсомольской линии...

За время учебы у него было несколько подружек, по очереди. Тянулся короткий шлейф разбитых сердец...

За время учебы у него было несколько подружек, по очереди. Тянулся короткий шлейф разбитых сердец... Одновременно он нескольких романов не заводил, и к концу интернатуры ничего более прочного, чем ночное дежурство с ординаторшей под одним одеяльцем, в личной жизни не было. Все его подружки пытались воспитывать Виктора, делали это обычно весьма грубо, а он этого терпеть не мог и, как только замечал попытки манипуляции, прерывал дружбу.

Строже всех, пожалуй, к прогулкам Виктора относилась собака. Подростая и повзрослевшая, каждый раз, когда он приходил после двенадцати, Дина встречала его в коридоре и, пока Виктор, сидя на корточках, расшнуровывал и снимал ботинки, шумно обнюхивала пахнущую косметикой шевелюру, щеки и воротник, после чего презрительно фукала и уходила. Она этих встреч явно не одобряла.

Анастасия Георгиевна вздыхала и непрозрачно намекала Виктору, что пора бы остепениться и найти наконец себе невесту. Ведь уже скоро тридцать лет стукнет.

Встреча с Виленой Стахис оказалась для Носова роковой. После первого же свидания он понял, что наконец нашел ту, единственную. И, как ни странно, на запах, приносимый после встреч с Вилечкой, Динка реагировала нормально, несколько раз дружелюбно мотнув хвостом, совала длинный нос в ладони Виктору – почеши! А уж знакомство Дины с Виленой и вовсе замечательно прошло.

Они прогуляли следующий день и потом как-то легко и незаметно отработали следующие сутки. И дальше, дальше... Заведующий подстанцией почуял неладное, когда было уже поздно.

Он сделал робкую попытку перевести дочь в другую бригаду, но та, не особенно стесняясь в выражениях, объяснила папе, что с другими ей совершенно неинтересно! Он возражал, что его как заведующего совершенно не волнует, интересно ей или нет! А она очень грамотно ответила, что ведет он себя не как заведующий, которому и в самом деле должно быть все равно, лишь бы дело делалось, а как ревнивый папочка!..

Герман сдался, Носов был симпатичен и ему самому. Он любил серьезных и ответственных. Может быть, какую-то роль сыграла фамилия мамы Виктора – Исаковская, может, нет. Но мешать дочери дружить с доктором заведующий не стал. Поворчал формально и махнул рукой. Однажды Виленке сказал, мол, гуляйте, да со свадьбой не затягивайте! Чего время впустую перегонять? Дочка ничего не ответила, хихикнула.

Так и повелось... Они работали вместе – Виктор и Вилена. Иногда третьим к ним садился фельдшер Володя Морозов или еще кто-нибудь.

Вилечка однажды призналась Носову, что, когда отец думал, куда бы ее посадить, она сама попросилась к нему в бригаду. Но этот разговор случился значительно позже, когда они уже не только гуляли по паркам или целовались на последнем ряду в кинотеатре.

* * *

Виктор растоптал в пепельнице коротенький «столичный» окурочок и со вздохом принялся вылезать из узкого пространства между холодильником и кухонным столом. Вилена открыла вечернюю бригаду, и он остался один на четыре часа. Из селектора под потолком тихо потрескивало и похрюкивало.

– Девятая бригада! Доктор Носов! У вас вызов, – вкрадчиво повторил голос диспетчера.

Носов, не торопясь, ополоснул кружку от остатков грузинского чая и пошел к окошку диспетчерской. Оттуда уже торчала свернутая в трубочку карточка. Носов прочитал повод, и ему стало нехорошо... Поганее повода не было. «Ребенок трех лет, отравление клофелином», мощнейшим антигипертоическим препаратом. Он позабыл о своей нарочитой медлительности и, вернув былую упругость ногам, почти бегом вошел в водительскую. За обшарпанным от постоянного биения костяшек столом сидели его водитель Толик Садич и двое других водителей: с акушерской бригады и перевозки.

– Толик! Погнали! У нас ребенок... – сказал Носов, пытаясь всем своим видом передать тревогу.

– Ну чего ж, ребенок так ребенок. – Толик, не отрываясь, махнул по столу доминирующей. – А вот так! Шершавого?! – объявил он.

– Толик! Я серьезно... – проговорил Носов тихо, но закипая. – Отравление клофелином...

Водитель с «акушерки» бросил костяшки на стол.

– Езжай, Толик.

– Ну ладно! – заныл Толик. – Ну чего ты, Михалыч, щас доиграем, и поеду.

– Вали, салага, – добавил водитель с перевозки и тоже скинул свои костяшки. – И моли бога, чтобы это был не твой ребенок... Пацан.

Толик расстроено положил свои костяшки, еще раз с сожалением посмотрел на стол с выигрышной партией и, тяжело вздохнув, вышел. Он и впрямь не понимал, с чего переполох.

К дому подъехали без особого шума. Дверь в квартиру была открыта. Носов на всякий случай надавил на кнопку, дождался «бим-бома» и прошел в прихожую. Навстречу ему устремилась встревоженная женщина.

– Где ребенок? – спросил Носов.

– Она здесь, в гостиной, спит, – ответила женщина. Высокая, ростом почти с Носова, она ломала тонкие пальцы и прерывисто вздыхала, будто сдерживая рвущийся плач. А Носов второй раз почувствовал предательскую слабость в ногах – «спит!». Он быстрым шагом прошел в гостиную и увидел лежащую на диване девочку. Бросил ящик и, наклонившись, потряс ее за плечи, легонько похлопал по щекам. Девочка поморщилась, вяло попыталась махнуть рукой. Носов обернулся к матери.

– Когда и сколько она выпила клофелина? – спросил он.

Мать протянула ему пустой флакон:

– Я только сегодня для мамы купила полный.

Носов готов был лечь рядом с девочкой. Мыслей не было никаких. Это конец, подумал Носов. Отчаяние и понимание неизбежного вдруг отрезвили и придали энергии.

– Когда она выпила лекарство?! – почти проорал он.

– Когда она выпила лекарство?! – проорал он.

– Минут пятнадцать назад, – спокойно сказала женщина. – Я на секунду вышла из комнаты. Мать у меня тварь, – произнесла она вдруг с ненавистью, – гипертоник, пьет его и бросает где попало.

Она еще не понимала, что произошло. Это Носов знал, что чудес не бывает. Но и он надеялся на маленький шанс. Доза более чем смертельная для маленького человека.

«Пятнадцать минут! Пятнадцать минут!» – думал он, скачками спускаясь по лестнице – лифта ждать некогда... В машине он рывком распахнул дверь и выволок на середину салона брезентовый мешок с разными прибабками, нашарил вслепую пакетик с желудочным зондом и тупо уставился на него – зонд был толщиной с его палец. «Господи, как же я его запихну?» – подумал он. И, сунув зонд в карман халата, он влетел в распахнувшийся лифт, чуть не сбив выходявшего старика с клюкой, тот зашипел, стал плевать сквозь дырки в рту, однако Носов ничего этого уже не видел, лифт понес его на десятый этаж.

В комнате Носов еще раз примерил зонд, ужаснулся: «Нет, я не смогу!» И, перевернув девочку на живот, вдруг засунул ей свой толстенный палец прямо в горло, та конвульсивно изогнулась, и на пол вылетели желто-коричневые комки, среди которых белели маленькие точки. «Есть БОГ на свете!» – подумал Носов. Сколько там их? Все-таки полный флакон. И сколько успело всосаться? Девочка уже в сопоре, и сопор этот нарастает, дальше – кома и... финал! Носов еще раз покопался в памяти. Желудок надо мыть! Он снова примерил зонд на длину, сантиметров двадцать – двадцать пять, может, и меньше... Как же его туда впихнуть?

Время! Каждая минута уносила жизнь из маленького тела...

Время! Каждая минута уносила жизнь из маленького тела...

Он послал мать девочки на кухню за ковшом с водой и тазиком, а сам, пока она ходила, попробовал протолкнуть в горло малышки зонд, та опять выгнулась и выдала на пол еще одну порцию каши, но беленьких точек там уже не было... Черт! ЧЕРТ! ЧЕРТ!!! Девочка становилась пластилиновой, она вываливалась из рук, расползалась на диване и уже никак не реагировала на попытки Носова еще и еще раз поставить зонд.

Носов, весь в мыле, оглянулся на мать, стоявшую за его спиной с тазиком и ковшом.

– Уберите, пожалуйста! – кивнул он на лужи на полу и рванулся к ящику с лекарствами. Набрал что-то из дыхательных analeптиков, кофеин, кордиамин... «А сколько? Дозы? Это ж дети, у них все не как у людей! Половину, четверть ампулы?» – лихорадочно вспоминал он. Набрал половину, развел физраствором и попытался найти тонюсенькую венку на такой же тонюсенькой ручке... Куда там! Потыкавшись, Носов ввел все под кожу. Он понимал – это все глупо, бессмысленно. Нужно срочно в больницу. Малюсенький шанс спасти. Ультра-фильтрация, промыть кровь, удалить отраву, интубировать, подключить к аппарату искусственного дыхания! У него ничего нет, и чего нет, главного – навыка таких манипуляций с детьми.

В этот момент в прихожей хлопнула дверь, и старушечий голос произнес:

– Ну, вот и я! А там к кому-то «Скорая» приехала...

Носов поглядел на мать и ужаснулся: такой дикой ненависти он не видел никогда... Казалось, от одного только вида ее надо было умереть на месте.

– Тварь! – закричала она. – Стерва старая! Погляди, что ты наделала!

В комнату вошла полная пожилая женщина в вязаной кофте, пуховом платке и, увидев белый халат, лежащую на диване девочку и разъяренную мать, охнула, всплеснула руками и, закатив глаза, повалилась набок... Угол рта быстро пополз вниз.

– Тварь! – кричала женщина. – Это ты оставила лекарство! Ты вечно их раскидываешь где попало!

– Тварь! – кричала женщина. – Это ты оставила лекарство! Ты вечно их раскидываешь где попало!

Носов подбежал к бабушке, осмотрел бегло – инсульт! Снова чертыхнулся и стал набирать лекарства в шприцы. Тут он уже быстро нашел вену, ввел все, что считал нужным, и повернулся к матери малышки – та уже просто плакала, держа дочь на руках.

В комнате опять назревали события. Бабка пришла в себя, явления инсульта почти прошли, она сидела на полу и, растрепав волосы, тихо выла: «Леночка, Леночка...»

Мать уже ничего не говорила, лишь мерила комнату из угла в угол, глядя остекленевшими глазами перед собой, дочь висела у нее на плече. Носов присмотрелся: девочка дышала, тихо-тихо, распустив губки. Носов стал спрашивать имя и фамилию девочки, мать отвечала как сомнамбула и, не останавливаясь, ходила по комнате под бабкин вой.

– Положите девочку, – строго сказал Носов. Женщина выполнила приказание, положила Леночку на диван, отошла в сторону и сложила руки на груди, будто молилась. – Ее надо везти в больницу...

Мать мотнула головой, словно отмахивалась от комарья...

– Не отдам! – сказала вдруг хриплым низким голосом. – Нет.

– Она может умереть, – сказал Носов, пытаясь вложить в свои слова максимум убедительности.

Мать кинулась к ребенку, будто Носов уже увозил ее, и подхватила на руки.

– Пусть! Я не отдам ее! – В глазах женщины появился безумный блеск, она периодически встряхивала дочь, целовала, не видя, что та никак не реагирует на ее ласки...

– Где телефон?

Женщина кивнула в сторону прихожей:

– На кухне.

Носов перешагнул через растянувшуюся поперек комнаты бабушку и, оглянувшись на мать девочки, принял решение. На кухне он быстро дозвонился до диспетчера.

– Юленька, миленькая, – затараторил он, – мне нужно место в больнице, отравление клофелином, полный пузырек, – на том конце провода тихо охнули, – у бабушки инсульт, а мать не отдает девчонку в больницу, давай милицию...

– Уверен? – спросила диспетчер Юленька.

– Да! – подтвердил Носов. – Глаза сумасшедшие, держит ее, не вырвать!

– Хорошо, я вызову, – грустно сказала Юля, – но ты же знаешь, они в эти дела не любят вмешиваться...

– Да знаю я, но попробуем, может, уговорим?...

– Повезешь... в Филатовскую, – сказала диспетчер центра, дождавшись ответа отдела госпитализации.

– Спасибо, – сказал Носов и положил трубку.

Носов померил девочке давление. Очень низкое, но есть, и пульс, хоть и слабый, определяется, и дыхание самостоятельное... «Сколько у меня еще времени? Сколько его у нее? Кто б знал? Ну, где эта чертова милиция?!» Черепашьим шагом, что ли, идут, здесь отделение через три дома, или тоже, как Толик, в домино играют? Да нет, эти, наверное, не играют.

В дверь позвонили, мать рванулась было в прихожую, но, увидев, что туда устремился Носов, опять пошла по комнате.

Бабка возилась на полу, пытаясь встать, – видно, мочегонное подействовало...

Носов вышел в прихожую, входили двое: маленький в штатском, с папкой под мышкой и здоровенный сержант с буденновскими усами. Носов его узнал, встречались раньше... И сержант узнал Носова, пробубнил: «Здравствуйте, доктор». Тот, что в штатском, деловито осмотрелся...

– Что случилось? – спросил он. – Нам толком ничего не объяснили...

Носов, прикрывая их спиной от женщин в комнате, стал вытеснять в сторону кухни и, когда вытеснил из прихожей совсем, прикрыл дверь и стал горячо объяснять:

– Здесь девочка, три года, выпила смертельную дозу лекарства, бабка забыла на столе... А мать не дает ребенка в больницу... Я даже не стал уговаривать, бессмысленно, она ничего не понимает...

Штатский смотрел с сомнением, видимо, решал, как поступить, а сержант пробубнил:

– Ну, это ж не наше дело... бытовуха...

Однако штатский вдруг проникся серьезностью момента и строго одернул сержанта:

– Нет, это уголовное дело! Халатность, повлекшая тяжелое увечье или даже смерть по неосторожности.

Сержант посерьезнел и закивал.

– Пошли! – И штатский, решительно отодвинув Носова, прошел в комнату.

Они вошли в гостиную. Женщины разом замолчали и уставились на сержантские погоны. Носов сурово сказал:

– Это товарищи из милиции, они должны разобраться, в чем тут дело...

Штатский строго и хмуро поглядел на женщин, достал из папки сколотые через копирку листы протокола и сказал матери:

– Положите девочку, и пойдемте, расскажете мне, как все произошло...

Мать послушно положила Леночку на диван и пошла за штатским на кухню, процессию замыкал сержант. Бабка, почувствовав, что дело пахнет керосином, потащилась следом за ними...

А Носов, видя, что до него уже нет никому дела, дождался, когда все прошли на кухню, тихонечко сложил ящик и, подхватив девочку на руки, так же тихо вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, стараясь не хлопнуть.

Он бегом спустился по лестнице и, ворвавшись в салон «рафика», проорал:

– Толян! В Филатовскую! Мухой!

Толик, неизвестно с какого перепугу державший машину под парами, утопил педаль газа в пол и с визгом стартовал... Носов оглянулся, когда «рафик» уже выворачивал на улицу, увидел растрепанную мать девочки и бежавшего за ней усатого сержанта...

Толик без напоминаний включил и маяк, и сирену. «РАФ» неся по вечерним улицам, наступали сумерки, несмотря на будни, машин было много... Толик распахивал всех, он наседали на бестолковых чайников, светил фарами, и через десять минут они уже подъехали к Садовому кольцу.

На перекрестке их ждала пробка. Толик секунду постоял в левом ряду и решительно выехал на встречную, обогнул всех и стал первым, дальше ехать он не осмелился, поперек шел сплошной поток машин. Посередине перекрестка стоял скворечник с регулировщиком⁷.

– Он, видно, сам регулирует, – предположил Толик. – Гад, ведь слышит же сирену...

– Сейчас, – сказал Носов, – партию в домино закончит, переключит...

– Да какое у него... – начал было Толик, но тут до него дошло, и он густо покраснел. Толик включил галогеновый фароискатель на крыше «рафика» и направил ослепительно-белый луч на стакан регулировщика. Тот прикрыл глаза рукой и, потерпев еще несколько секунд, переключил светофор.

Они быстро проехали по территории старой больницы до приемного отделения, и Носов внес девочку в смотровую... Доктор моложе Носова оформлял историю и, не отрывая глаз от бумаги, спросил:

– Что?

– Отравление клофелином, – ответил Носов, ощущая, как его покидает безумное напряжение. ВСЕ! ВСЕ!

– Мыли? – спросил доктор, по-прежнему не отрываясь от писанины.

– Пытался, – честно ответил Носов, – вызвал два раза рвоту, ввел стимуляторы дыхания и привез сюда...

– Родители здесь? – спросил голубой колпак, потому что лица врача Носов так еще и не увидел. Девочку он положил на кушетку.

– Нет, – ответил Носов, заводясь, – мать не хотела отдавать, я привез ее сам.

Врач наконец оторвался от бумаги и посмотрел на Носова.

– Вы что, доктор, с ума сошли? – спросил он. – А если она умрет?

– Видно будет, – ответил Носов. – Сейчас времени жалко, прошло меньше часа. Действуйте же, доктор... – он посмотрел на табличку на столе, – Бурда.

Доктор Бурда пожал плечами, взялся за телефон без диска и сказал в трубку:

– Приходите, девочка три года, отравление клофелином, сколько? – поднял он глаза на Носова, тот повторил. – Пятьдесят таблеток, без промывания желудка...

Он положил трубку, взял девочку и, кивком пригласив Носова идти следом, перенес ее в соседнюю комнатку. Уложил на кушетку, достал из-под нее тазик с зондом, точно таким же, как лежал в мешке у Носова, кувшин и, кивнув опять, держи, мол, голову, за секунду ввел Леночке зонд в желудок.

– Давай, доктор, отработывай. Сейчас придут из реанимации, ты пока отмывай, а у меня там еще полный коридор.

У Носова вдруг куда-то исчезла вся злость на этого Бурду, он взял кувшин и стал набирать в него воду...

– Да, доктор, – сказал голубой колпак Бурда уже в дверях, – ты свою фамилию напиши в сопроводилке разборчиво. Может, искать придется, ситуация очень серьезная. Сам понимаешь, никаких гарантий...

Носов заливал, сливал, заливал-сливал... Потом из какого-то коридора вывернулись двое парней или женщин с каталкой, погрузили Леночку и укатали в полумрак...

Носов в машине закурил, Толик молча смотрел на него, потом спросил:

⁷ На перекрестке Садовой-Триумфальной и Долгоруковской был перекресток со светофором и будка регулировщика ГАИ на длинной «ноге», в народе называемая «скворечник».

– Чего это было-то?

– Чего, чего, – проворчал Носов. – Поехали обратно.

– Куда? – удивился Толик.

– На вызов, где были...

– Ты забыл там чего?

– Забыл, – ответил Носов, затягиваясь. – Может, и выживет?.. А?

Толик ничего не ответил.

Когда они приехали к дому, у подъезда все было тихо, а в квартире по комнате ходил хмурый мужчина, курил. Женщин не было... Он поднял глаза на Носова и посмотрел вопросительно.

– Это я отвез девочку в больницу, – словно в омут бросаясь, признался Носов.

Мужчина качнул головой и сказал:

– Ну и правильно сделал. А я ей уже вмазал... – хмуро добавил он, имея в виду, видимо, свою жену. – Как дочь?

– Очень тяжелая, – сказал Виктор, чтобы не обнадеживать, и добавил слова врача приемного покоя: – Никаких гарантий. Ее увезли в реанимацию... Можете поехать в Филатовскую, с врачами поговорить.

– Само собой, – кивнул мужчина. – А эти две стервы пошли в милицию заявление на тебя подавать... Но ты не дрейфь, я заберу. В какой она больнице-то? – переспросил он.

– В Филатовской... – повторил Носов. Ему захотелось опять закурить, но почему-то удержался.

Мужчина уточнил, как найти больницу.

Носов обо всем рассказал на подстанции старшему врачу. Тот качал головой и сказал, когда Виктор закончил:

– Ну и дурак же ты, Витя... Надо было мне позвонить. Может, вдвоем разобрались бы, а так накрутил... Но знаешь, вдруг повезет, отмажешься... В церковь сходи.

Носов усмехнулся.

– Шутите?

– Какие уж шутки? Любой шанс нужно использовать. Кто тебе еще поможет?

Старший доктор пошел звонить в больницу. Через два часа, когда Носов в очередной раз вернулся с вызова, сказал:

– Бог тебя бережет, Носов. Девочка хоть и без сознания, но ее уже подключили к искусственной почке, дышит сама... Шанс есть, жди.

– Сколько? – спросил Виктор, облизывая пересохшие губы.

– Я думаю, недели две, не меньше. Острая почечная. – Старший доктор сочувственно глядел на Носова. – Ладно, я буду им позванивать, успокойся. Тебе повезло, видимо, что большую часть лекарства ты со рвотой удалил... но немало и всосалось.

Неделя пролетела сутками и сном. Старший доктор сказал: «В сознание пришла». Еще через неделю: «Без изменений». И к концу месяца сообщил: «Все нормально, почки заработали, девочку перевели в отделение». Дорого стоил Носову этот месяц... Только встречи с Вилечкой немного снимали тревогу и напряжение, позволяли отключиться от реальности.

Глава 2

Самолет, морилка

День прошел спокойно, катались с вызова на вызов, изнемогая от июньского зноя, пили квас, останавливаясь почти у каждой бочки... Вечером рассаживались, пересаживались, и, наконец, сложилась любимая троица: Носов, Морозов и Вилена. Ближе к ночи скатали в инфекционную больницу на Соколиной горе, отвезли абитуриента ТСХА с отравлением – пирожки мясные по жару, будь они неладны!

После полуночи уже из другой больницы Носов предложил, не отзваниваясь диспетчеру, махнуть в «Шереметьево-2», глотнуть кофейку... Сказано – сделано. И вот уже с мигалками «рафик» летит под песни итальянцев по пустынному Ленинградскому шоссе... Из «Шереметьева» они получили вызов, долетели с мигалкой и успешно полечили пожилую женщину с приступом бронхиальной астмы, но на всякий случай и ее отвезли в больницу – приступ оказался тяжелый, и бригада Носова за этот день была у нее уже третьей. Несмотря на то что лечение пошло впрок, уверенности полной, что приступ не возобновится, не было. В половине четвертого утра они получили добро возвращаться на подстанцию...

Сиреневый рассвет, оранжевые огни фонарей, «рафик», шурша покрывками, неся над шоссе. Доктор Носов дремал на переднем сиденье, время от времени приоткрывая один глаз и скашивая его на водителя, как бы давая понять: «Не сплю я!» В салоне в большом удобном кресле свернулась калачиком Вилечка Стахис, упиравшись коленками в подлокотники и покачиваясь на поворотах, а на брезентовых носилках, подвешенных к потолку, спал Володя Морозов.

Ночь кончалась, остывал асфальт, четыре утра, конец июня... За бортом свежело после душного дня, и Носов, вдруг открыв глаза, опустил стекло. Предутренний ветер влетел в кабину и, смешавшись с таким же потоком из окна водителя, ворвался через открытую переборку в салон, растрепал Вилечке волосы, забрался под тоненький халатик, и Носов, чуть обернувшись, поглядел на любимую девушку, что поежилась, не открывая глаз, от всей души этому ветерку позавидовал.

Сна не было. Утренняя прохлада выгнала его без остатка... не было почему-то и привычной усталости к завершению суточного дежурства. На носилках зашевелился Морозов. А Вилечка, потянувшись и торопливо сводя расходящиеся на груди отвороты халата, попросила сонным хриловатым голоском:

– Виктор Васильевич! Прикройте, пожалуйста, окошко! Прохладно что-то...

– Да вот покурить хотел, – ответил Носов, – скоро уж приедем, чайку попьем...

– Кто чайку, а я посплю... – пробасил с носилок Морозов.

– Ну и ради бога... – откликнулся Носов. – Пока ты спишь, все тихо...

– Это в каком же смысле? – поинтересовался Морозов.

– А то ты не знаешь! – вмешалась в разговор Вилечка. – За каждое твое дежурство не меньше двух авто подбираем...

– Ну и что, – обиделся Морозов, – а при чем тут я?

– А в остальные их бывает значительно меньше, – пояснил Носов. – Давно говорят, что тебе везет.

Владимир Владимирович Морозов пришел на «Скорую» еще до объединения ее с неотложкой и в первый же день попал на большую авиакатастрофу – при посадке упал самолет военно-транспортной авиации с двумя сотнями новобранцев... С тех пор не было у него дежурства, когда обошлось бы без сбитых пешеходов или покалеченных водителей и пассажиров. «Везучесть» его стала на подстанции притчей во языцех.

Морозов слез с носилок и уселся на боковое креслице.

– Ну, я вообще-то человек неконфликтный, – начал он. – Но за то, что разбудили, щас обижусь...

– Если обидишься, дальше не повезу! – откликнулся Толик. – Обиженные сами возят! – Как он услышал в кабине ворчание Морозова – загадка.

Морозов сопел, насупясь, смотрел в окно на рассветные сумерки.

– Володька! – повернулась к нему Вилечка и тут же радостно воскликнула: – Да он притворяется! Толик, давай его высадим, пусть пешком до подстанции идет!

Толик открыл окошко в переборке пошире и сказал, чуть обернувшись:

– Вот спали люди – и спали бы дальше... Чего разбудил ребят, доктор?

Носов выпустил густое облако, часть которого унесло в салон, и произнес, прищурившись:

– Ничего... Сейчас такая ночь... чудесная. А я какой-то и не уставший, хоть сутки на исходе. Странно... – и задумался.

Толик залез рукой за сиденье, нащупал кнопку приемника и покрутил настройку, ловя «Маяк». По кабине разнеслась негромкая музыка...

– О, – сказал Носов, – оставь, «Щелкунчик», люблю...

– А больше ничего и нет. Сейчас только «Маяк» и работает, остальные с шести.

Толик вдруг принял вправо и стал притормаживать. По тротуару медленным, прогулочным шагом шла девушка. Она явно не спешила. Виктор ее походку мысленно обозвал «задумчивой». Толик остановился возле нее, перегнулся через Носова и позвал:

– Девушка! Подскажите, пожалуйста, где тут Колчаковский переулок? Нам сказали, что как свернем с улицы Деникина, так и найдем... Уже полчаса крутимся... ни того ни другого.

Девушка остановилась и, развернувшись к Толику, которому Носов шипел прямо в ухо: «Что ты делаешь?» – задумчиво потерла лобик, помолчала, будто что-то вспоминая, и наконец сказала:

– Я не знаю, наверное, это не здесь, а где-то в Ворошиловском районе, там всякие улицы Тухачевского и по имени разных генералов... Да, наверное, это там.

– Спасибо, девушка! – проникновенно сказал Толик. – А здесь точно нет ни улицы Деникина, ни Колчаковского переулка? А проспект Врангеля?

– Нет, в нашем районе точно нет, – оставалась серьезной девушка. – Но вы знаете, тут рядом есть станция «Скорой помощи», вы спросите у них. Они местные – наверняка лучше меня знают этот район.

– Мы непременно так и сделаем, – все так же, не дрогнув лицом, произнес Толик.

Носов с трудом сдерживал смех. Совершенно искренняя серьезность Толика смешила больше всего. В салоне тихо умирали Вилечка и Морозов. Уже когда они отъехали и девушка как ни в чем не бывало, все так же задумчиво пошла дальше, Носов проговорил, вытирая слезы:

– А завтра она обязательно спросит у кого-нибудь, где улица Деникина...

– И проспект Врангеля, – стонала Вилечка.

Толик улыбался.

– Эх, весь эффект остался за кадром, – посетовал он. – Все самое интересное будет сегодня утром или днем...

– Слушайте, но ведь это невероятно, – разволновался Носов, – что же с нами случилось? Ведь ты очень точно подметил, что многие уже не помнят ничего и никого... Для них Гражданская война и белогвардейские генералы – все одна эпоха и одни герои... Как же так?

– Да что ты, доктор, – успокоил Толик, притормаживая, – кому это все теперь нужно? Мы еще помним, так нам в школе об этом долбили, и в Чапаева мы играли, а они? Для них Великая Отечественная война – уже история. А историю никто не хочет учить. Скучно.

Он объехал огромную клумбу и свернул в проезд к подстанции. Двор был забит машинами.

– Ребята, – радостно сказал Носов, – кажется, мы последние.

Мимо диспетчера не проскочишь. Окошко диспетчера смотрит прямо на входную дверь, и малейший ее скрип, свист ветра в щелях или пение пружины доводчика – и вот он ты, пойман на прицел. Номерок уже занесен в табличку. «Бригада на подстанции».

Вилечка побежала на кухню проверить чайники, есть ли вскипевшие. Носов отдал оформленную карточку в окошко диспетчерской и, засунув туда всю голову, поглядел в список подъехавших бригад, пошевелил губами, считая, и радостно объявил Морозову, в нетерпении топтавшемуся на кафельном полу холла:

– Восьмые! Иди спи!

Морозов, радостно приговаривая «Два часа, два часика...», пошел в фельдшерскую, выходящую окнами на запад под раскидистый клен, нащупал в темноте свое уже разложенное кресло, развернул тонкое шерстяное одеяло, взбил жиденькую подушку, снял кроссовки, халат и, хрустя мослами, с наслаждением устроившись, натянул до подбородка одеяло и проговорил:

– Что-то самолеты не падали давно...

– Ты это к чему? – раздался с соседнего кресла совершенно несонный голос Сашки Костина.

– Ни к чему, так... – ответил Морозов и уснул.

Носов постоял еще несколько минут, читая на доске свой график и прикидывая, как распланировать свободное время, если к концу месяца останется трое суток, а в начале следующего будет хотя бы двое свободных, итого – четыре дня. Можно махнуть на рыбалку или на байдарке по Мсте... И пошел на кухню.

Его любимое место между холодильником и столом занял суровый заведующий подстанцией Герман Исаевич Стахис – отец Вилечки. Довольно моложавый, хотя ему было уже больше сорока пяти, он отхлебывал душистый смоляной чай без сахара и о чем-то негромко выговаривал дочке. Когда вошел Носов, он замолчал.

К приходу Носова на подстанцию Герман уже девять лет был заведующим и, несмотря на резкость, любим и уважаем сотрудниками. Отработав положенные годы в районной больнице в Рязанской области, Герман вернулся в Москву и пошел устраиваться на работу.

Однако в одной больнице его не устраивала зарплата на предлагаемой должности, в другой начальство было недовольно фамилией Германа. Так ничего подходящего не найдя, он пришел в главк и наткнулся на табличку: «Отдел ординатуры». Заглянул. Здесь просмотрели его бумаги и сказали, что с сентября начнется набор в ординатуру по «Скорой помощи», но для этого надо устроиться работать на «Скорую».

Уже после семьдесят третьего года, когда объединили «Скорую» и неотложку, открывались новые подстанции и обнаружилась острая нехватка заведующих подстанциями, Герману, к тому времени уже больше пяти лет проработавшему старшим врачом, предложили возглавить новую подстанцию на окраине Москвы. Он, недолго думая, согласился.

Стахис подвинул Носову чашку со свежесваренным чаем – Вилечка позаботилась – и спросил:

– Ну, как дежурится? – Он всегда так спрашивал, когда в неформальной обстановке сталкивался с Носовым. Его мартышка, как он называл дочь только с глазу на глаз, по-домашнему, сидела напротив, размешивала ложечкой сахар в изящной перламутровой чашечке и изображала пай-девочку. Маленькая, Носову она была чуть выше плеча, с очень гармоничной фигуркой, вьющимися каштановыми волосами и огромными, чуть выпуклыми (в отца) глазами, поверх которых опускались пушистые ресницы, она сидела, помалкивая, лишь тихонько отхлебывала с ложечки горячий чай.

Носов пожал плечами:

– Да в общем все нормально. Рутинка...

Стахис понимающе кивнул. Они еще некоторое время молча потягивали чай, потом Вилечка вылезла из-за стола, при этом край ее халатика зацепился за угол и расстегнул пуговичку, открыв смуглый живот. Герман сверкнул глазами. Вилечка спокойно застегнула пуговку и сказала:

– Жарко же...

Носов сделал вид, что ничего не заметил.

– Иди поспи! – приказал заведующий подстанцией. – Вы же последние...

Его мартышка, как он называл дочь только с глазу на глаз, по-домашнему, сидела напротив, размешивала ложечкой сахар в изящной чашечке и изображала пай-девочку.

В этот момент под потолком кухни загудел селектор, усилитель, выключенный с вечера, разогревался. Стахис удивленно поднял брови. Он не успел ничего сказать...

– Всем бригадам на вызов! – сказала диспетчер и добавила: – Герман Исаевич, доктор Стахис! Зайдите в диспетчерскую!

Стахис начал выдираться с любимого места Носова, при этом у него на халате оторвалась пуговица, открыв покрытое густым черным волосом пузо, он чертыхнулся, но тут же добавил: «На мне свитер» – и быстрым шагом направился к диспетчерской... Носов, как всегда, не спеша допил остывающий чай и, ополоснув кружку, пошел следом.

– Володя! Морозов! Вставай! У вас вызов. – Костин тряс Морозова за плечо.

Морозов открыл один глаз:

– Чего?

– У вас вызов, – сказал Костин, – у всех вызов, самолет упал.

Морозов закрыл глаз и открыл рот.

От такого многоэтажного мата, да еще с закрытыми глазами, Сашка отскочил к двери.

– Иди ты знаешь куда?! Ты Михалыча своего разыгрывай, – шумел, не открывая глаз, Морозов. – Я тебе не салага, чтоб со мной так... – Он замолчал, перевернулся, дрыгнув ногой в направлении Костина и накрылся одеялом с головой.

В этот момент открылась дверь фельдшерской и вошел Носов.

– Володя! Подъем! Под Зеленоградом на взлете упал «Ил-62», девяносто шесть пассажиров. Пошли! Вилена останется на подстанции...

– Таскать нам не перетаскать... – проворчал Морозов и, вздыхая, принялся обувать кроссовки и натягивать на голое тело халат...

– Володя! Подъем! Под Зеленоградом на взлете упал «Ил-62», девяносто шесть пассажиров.

Рейс на Аддис-Абебу вылетел из «Шереметьево-2» в четыре тридцать, через пять минут после отрыва бортинженер доложил о пожаре в правом двигателе. Самолет шел на форсаже, но командир приказал применить систему пожаротушения. Сразу после аварийного пlegирования зажегся сигнал о пожаре в левом...

Самолет рухнул в лес в тридцати километрах от Москвы, едва не зацепив антенны последней высотки поселка Менделеево, пропахал в лесу полосу в полкилометра и взорвался, оставив после себя вывороченные стволы и комья мокрой земли... Одна пара двигателей полностью погрузилась в болотную жижу, а вторая застряла на островке среди глеющих берез. Изломанное тело самолета зарылось в грунт.

Топливо, распыленное в воздухе, вспыхнуло ослепительно-белым шаром и, погорев несколько минут, утихло. Остались лишь вывороченные стволы да горящая земля.

Герман Стахис возглавлял колонну из восьми машин своей подстанции. Шли быстро, с маяками, им было ближе всех ехать. Далеко сзади переливались на шоссе маячки других колонн. Светало. Скоро пять...

Носов перевернулся и влез в салон через окошко.

– Володя! – распорядился он. – Приготовь перевязку, косынки...

– Какие косынки? – удивился Морозов. – Сейчас мешки нужны! Будем руки-ноги собирать по всему лесу...

– Ну, может быть, хоть кто-то выжил... – неуверенно сказал Носов, – они же невысоко были.

– Доктор! Виктор Васильевич! – вытаращил глаза Морозов. – Там же по тридцать тонн керосина в каждом крыле, они ж в Африку летели с дозаправкой в Тунисе. Дай бог вообще хоть что-нибудь найти кроме головешек... шашлык на косточках...

– Это точно! – подтвердил Толик.

При проезде через Зеленоград колонна въехала в облако с резким запахом керосина... Морозов проговорил:

– Вдруг найдем?.. Горючку-то они успели слить, хоть часть... или что это было? Черт! Как в солярке искупались!

Носов старался дышать через рот, зажимал нос, Толик чертыхался. Наконец выехали из облака, но в салоне еще долго сохранялся приторный нефтяной запах. Морозов распахнул все окошки в салоне, а Носов с Толиком в кабине. В «рафике» гуляли сквозняки... Прохладный утренний ветер уже не бодрил...

К месту падения машины не прошли, «РАФы» запарковались вдоль шоссе, и все пошли в лес, ориентируясь на столб дыма. Следом подъезжали милиция и пожарные, какие-то машины с аэродрома... Стахис обернулся, увидел Носова с Морозовым, подождал, когда они подойдут, и спросил:

– Вилена в машине?

– Нет, – ответил Носов, – я оставил ее на подстанции.

Стахис стал надуваться, выкатывать глаза, но вдруг сник и пробурчал:

– Если она моя дочь, это не значит, что ей должны быть поблажки, она обычный рядовой сотрудник... и... Вы не имели права... – Он в последний момент заметил внимательно слушающего Морозова. – Ладно, на подстанции разберемся...

– А я ее оставил не как вашу дочь, Герман Исаевич, – возразил Носов, – а как рядового сотрудника, которому здесь совершенно нечего делать. Не будет же она носилки таскать! Пусть лучше диспетчерам помогает...

Стахис подождал, пока Морозов уйдет подальше, и прошипел:

– Мог бы хоть меня предупредить...

Носов улыбнулся и развел руками. Сквозь деревья на востоке виднелся голубой кусочек неба и розовые облачка... Они вышли на край большущей ямы. Ни Носов, ни Стахис такого не видели никогда...

Земля горела... из трещин в грунте вырывались язычки пламени, вспыхивая, трепетали и гасли, будто души рвались на волю, среди торчащих из земли обгорелых кресел, личных вещей, какого-то тряпья и черных рук и ног... Носов окаменел... В страшном сне такое не приснится...

Он припал к наклонившемуся дереву... У самого края воронки, в полуметре от своей ноги, он увидел круглый темный предмет и присел на корточки, чтобы рассмотреть в сумерках. Среди комьев лежала черная голова с открытыми белыми глазами, будто росла из земли. Носов полез в карман за резиновыми перчатками, но в этот момент к нему подбежал Морозов.

– Виктор Василич! Носов! – кричал он, запыхавшись. – Я нашел... кажись, еще живая!

– Кто?! – в один голос вскрикнули Носов и отошедший чуть дальше Стахис.

– Да тут что-то такое... – проговорил Морозов, махнув в сторону черных кустов, – черная вся, то ли негритянка, то ли обгорелая...

Носов, насколько позволяла чавкающая земля, побежал за Морозовым. Среди кустов волчьей ягоды лежала, неловко вывернув руку, одетая только в бестолково-оранжевую маечку девушка-мулатка. Это Носов понял уже потом, когда осматривал ее в машине. Носов извлек из кармана тонометр, попробовал померить давление, по пульсу нащупал тоненькую ниточку сердечного ритма. Жива!

– Володя! – крикнул он Морозову, не заметив, что тот стоит рядом. – А, ты тут... Быстро за носилками и захвати шприц! Да! – крикнул он уже вслед удаляющемуся Морозову. – Толика не забудь!

– Это уж как положено, – махнул рукой Морозов.

Подшел Стахис, и они вместе потихоньку, придерживая за плечи и таз, вытащили девушку на открытое сухое место.

– Виктор Василич! Носов! – кричал он, запыхавшись. – Я нашел...
кажись, еще живая!

В лесу светало. Над деревьями с востока пробивались солнечные лучи. Тени от голых стволов ложились поперек кратера и придавали жуткую фантазмагоричность месту катастрофы: среди горящих комьев земли бродили белые халаты, время от времени нагибаясь и извлекая из земли части тел...

В ямках набиралась розовая вода... На краю ямы отдельно складывали белые тела в остатках летной формы – экипаж.

Прибежали Морозов с Толиком, раскинули дерматиновые носилки, так же аккуратно, как это делали Виктор со Стахисом, не за руки за ноги, а под плечи и таз, подхватили легонькую девушку и уложили на носилки. В обрывках света Носов видел, что вся кожа на ногах покрыта какими-то лоскутами.

Не задумываясь, он принял у фельдшера шприц, достал из кармана брюк маленькую коробочку с наркотиками, покопавшись, выбрал фентанил, как раз на полчаса, ввел то ли в вену, то ли нет, в сумерках не видно, и, ухватив одну ручку носилок, скомандовал:

– Понесли! Быстро! Быстро! Под ноги смотрите!

В машине Носов еще раз померил давление: ни черта не слышно, чуть больше пятидесяти. Он включил большой плафон и увидел, что лоскутья, на которые он обратил внимание в лесу, – остатки колготок и кожи, а поясок на талии – все, что осталось от юбки, или что там у нее было? Кожа на спине местами обуглилась, пузырилась, отставая лоскутами, и Носов насчитал больше шестидесяти процентов поверхностей ожога... В какой-то момент объем информации пробил психологическую защиту, и Виктора затошнило, он покрылся липким потом, с трудом взял себя в руки. «Перебор... перебор», – пробормотал он вполголоса.

Морозов оттеснил его:

– Виктор Васильевич! Дай-ка я венку поставлю! Прокапаем хоть баночку...

– Давай! – сказал Носов, не решаясь даже попытаться попасть в вену... У Морозова руки половчее.

Дверь в машину открылась, и в салон заглянул солидный дядя в очках и при галстуке.

– Я дежурный врач оперативного отдела, – сказал он, забыв назвать свою фамилию. – Вы, я слышал, нашли кого-то еще живого?

– Да, девушка-мулаточка, сильно обгорела, – объяснил Носов. – Шок.

– А еще что? – деловито осведомился очкастый дядя.

– Да бог ее знает, – завелся Носов. – Кости в руках и ногах вроде бы целы, а что там внутри, вскрытие покажет... давление низкое, видимо, есть внутреннее кровотечение.

Очкастый дядя позеленел и отрывисто приказал:

– Везите в Склифосовского, там разберутся. Приказ из управления – всех в «Склиф».

– Попробуем, – сказал Носов, – но ведь восемьдесят первая ближе. И там тоже есть ожоговое и реанимация!

– Везите, не рассуждайте! И чтоб довели!

Носов протянул руку и захлопнул дверь, мужик начал его раздражать. Умница Морозов умудрился поставить иголочку в венку, закрепил ее пластырем и начал капать кровезамещающий раствор...

– Поехали, Толик! Гони! Чтоб через пятнадцать минут были в «Склифе»!

– С ума сошли вы, что ли? – отозвался водитель. – У меня не вертолет! Нашли себе «Формулу-1».

Толик в два приема развернул «рафик» и погнал...

Они ехали тридцать пять минут. Во время перегрузки на каталку «Склифа» у пострадавшей впервые остановилось сердце. Носов ввел внутрисердечно адреналин, стукнул, качал не прямой массаж, пока катили ее по коридору к реанимации, там ей разрядили дефибриллятор пять, шесть, семь киловольт – без толку. Девушка потеряла много крови из-за внутреннего кровотечения...

«А если б мы все-таки не послушались того пердуна в золотых очках и повезли в восемьдесят первую, кто знает, больше было б шансов?.. – думал Носов. – В конце концов, он ведь и фамилии даже не назвал... Можно было бы послать его куда подальше... А там что – они ждали нас с пакетами крови? Конечно же нет! Так что так и так шансов у нас практически не было... И у нее».

Отзвонившись из «Склифа», они получили приказ ехать на подстанцию...

– У меня ни одной бригады, – сказала диспетчер, – и пачка вызовов...

На подстанции им сразу дали вызов. «Рутинка», как говорил Носов. Вилечка сидела в кухне и подновляла макияж. Носов полюбовался ею несколько секунд, она краем недокрашенного глаза увидела его и проговорила невнятно:

– Сейчас, сейчас...

Носов подождал минутку, пока она доведет начатое дело до конца.

Вилечка встала и прошла походкой фотомодели, дразня Носова, тот поймал ее за талию, пользуясь моментом, что никого нет, и, чмокнув в щеку, шепнул:

– Беги в машину, я сейчас...

В руке он держал карточку с последним вызовом за эти безумные сутки. Семь утра, а до конца смены еще два часа.

В машине Вилена доводила Морозова:

– Володя! Владимир Владимирович! Вовочка!

Морозов опять лежал на верхних носилках, он на них залез, еще когда выезжали из «Склифа». «Поспать, когда есть время, – это святое», – говаривал Морозов и действовал согласно этому правилу... Вилечка тыкала кулачком в брезентовое дно носилок в проекции ребер Морозова, и тот наконец сдался:

– Ну что тебе, егоза?

– А говорят, это ты самолет уронил!

– Ага! Щаз-з! С чего это?

– Сашка Костин сказал, что ты наколдовал, чтобы он упал.

– Да ладно чушь молоть! – Морозов разозлился. – Что ты сплетни слушаешь?

– Он сказал, что ты, когда ложился, произнес: «ЧТО-ТО САМОЛЕТЫ ДАВНО НЕ ПАДАЛИ!» – произнесла Вилена гробовым голосом.

– Я не помню! Ну и какое имеет значение?

Носов привел Толика и уже садился в кабину. Услышав последнюю фразу Морозова, он спросил:

– Во сколько упал самолет?

– В четыре тридцать пять – четыре сорок, – ответил Морозов.

– А ты во сколько лег? – уточнила Вилечка.

– Я что, помню?

– Мы приехали с последнего вызова в четыре двадцать пять, – сказал Носов, подыгрывая Вилечке, – пять минут, чтоб постелиться и лечь, вот и выходит, что, кроме тебя, некому... Морозов, ты – террорист!

– Ну вас к лешему, – обиделся Морозов. – Куда мы едем и на что?

Носов поглядел в карточку.

– Тут рядом, мужик пятидесяти лет посинел...

Морозов чертыхнулся:

– Еще один кадавр...

– Я же говорю, – засмеялся Носов, – твое дежурство без приключений не обходится... Проверь кислород. Я, когда принимал бригаду, смотрел баллоны – было достаточно и вроде бы нигде не травило, пока не отъехали, проверь.

«Рафик», преодолев земляные раскопы на территории подстанции, выкатился за ворота... Бригада Носова ехала на последний за сутки вызов. И это было здорово.

Остановились у последнего подъезда пятиэтажки. Носов присвистнул: на пятый, без лифта... Вилечка тяжело вздохнула, а Морозов сказал:

– Может, не будем брать кислород?

– Ага, а потом ты сам за ним побежишь. Туда и обратно! – ответил Носов. – Пошли уже.

Он взял ящик, отдал Вилечке карточку и помог Морозову навьючить на себя сумку с кислородной аппаратурой.

Поднимались медленно, уже сказывалась усталость, накопившаяся за сутки... Подошли к двери.

– М-м-м-да, – сказал Морозов. – Замок здесь выбивали раз... пять, не меньше, и кнопки нет, одни проводки, и в них двести двадцать вольт.

Вилечка спросила:

– Может, не пойдем? Мало ли, что там?

Носов толкнул дверь коленкой, и она, отвисая на одной верхней петле, медленно отворилась. Глазам бригады предстал темно-коричневый мрачный коридор трехкомнатной квартиры.

Из кухни справа слабо пробивался приглушенный свет сквозь грязное или замазанное чем-то стекло двери. В сумраке и пыли угадывался массивный шкаф, а где-то в глубине – еще две закрытые двери комнат. Из-за ближайшей двери – а Носов знал, что обычно это самая маленькая комната по планировке, – доносился мощный храп.

Обстановка не поддавалась описанию. В приглушенном несвежими серыми шторами свете видна фигура лежащего ничком на кушетке мужчины.

Кроме этого звука, ничто не нарушало тишину, в которую Носов тихо бросил:

– Есть кто-нибудь не спящий? «Скорая» приехала!

Тотчас же открылась дверь дальней комнаты, коридор немного осветился, и им навстречу побежала, крелясь, как Паниковский, немолодая или какая-то уж очень сильно изнуренная женщина. Она не добежала до бригады, свернула в ближайшую комнату, из которой доносился храп.

– Идите сюда! – позвала она. – Посмотрите!

Из комнаты ударил мощный запах водочного перегара, коричневый свет прорвался в коридор, еще немного осветив обстановку. Морозов укоризненно посмотрел на Виктора и, вздохнув особенно тяжело, обрушил свои вериги на пол. Носов пожал плечами (откуда я мог знать?) и решительно прошел в комнату.

Обстановка не поддавалась описанию. В приглушенном несвежими серыми шторами свете видна фигура лежащего ничком на кушетке одетого мужчины. От фигуры раздавался чуть приглушенный засаленной подушкой храп, совершенно не похожий на хрип... Женщина квохчущей курицей налетела на спящего:

– Вставай, вставай, врачи приехали...

Носов спросил тихо:

– Вы нас зачем вызвали? Нам что, пьяных на улице не хватает? – и замолчал, остолбенев.

«На него смотрела поразительная харя...» Слова Ильфа и Петрова лучше всего характеризовали то, что предстало перед ошеломленной бригадой. Морозов и Вилечка застыли в двери.

Опираясь на багрово-фиолетовые руки, совершенно пьяный мужик смотрел ярко-голубыми глазами, причем голубыми у него были белки, из-за чего зрачки казались черными, кожа лица отливала густой синевой, переходящей в фиолетовый цвет на шее. Пробудившийся нетрезвый человек открыл рот, чтобы что-то сказать, может быть что-то важное... и Носов увидел черный, как у чау-чау, язык.

– Дура ты! Шкло... – выругался синий мужик, шевеля черным языком и фиолетовыми губами. Он потянулся к большой алюминиевой кружке, на дне которой плескалась какая-то коричневая жижа. Отхлебнул, облизнулся и продолжил: – ...пендра! Кто тебя просил людей беспокоить, собака енотовидная?

Он привстал на кушетке и попытался замахнуться кулаком.

Отчасти солидарный с ним Носов только сейчас обратил внимание на характерные пигментные пятна на лице у женщины, отчего та действительно немного напоминала енота. Он спросил:

– Да что случилось-то?

– Вы посмотрите, что он пьет, – закричала женщина и, уже адресуясь к синему мужчине, зло бросила: – Алкоголик! Пьянь ты синюшная! Ты посмотри на себя, до чего допился!

Она вцепилась в его плечо и стала трясти.

Действительно совершенно синий мужик отмахивался от нее, словно от надоедливой мухи.

Носов отобрал у мужика кружку и понюхал. От жижи шел отчетливый запах спирта. Вот только какого? Если метиловый, то за прошедшие часы пьяный реально пересек грань между жизнью и смертью и уверенно шагнул на кладбище...

– Мужчина! – сказал Носов. – Ты меня видишь?

– Вижу, – уверенно кивнул синий мужик, не глядя на Носова, и потянулся за кружкой. Носов помотал ею из стороны в сторону, и синюшная рука с голубыми ногтями уверенно переместилась в пространстве, не выпуская из виду кружку. – Ты тоже хочешь? – догадался синий мужик. – Там еще есть... – Он качнулся в сторону окна, но тут силы оставили его, и синяя рука, покрытая жгутами вен, легла на когда-то белую простыню. – Не могу... доктор, она все соки из меня выпила.

Женщина распахнула занавески, на подоконнике в ряд стояли три полные бутылки и одна почти пустая с коричневой жижой. Бутылки не обычные, а весьма привлекательные, чем-то напоминающие многогранностью стакан. Запечатанная сургучом пробочка сбита, а горло закупорено скрученным обрывком газеты. Носов взял ее и стал разглядывать этикетку.

«МОРИЛКА спиртовая. Для окраски дерева под дуб. 83 % этилового спирта», – значилось в самом низу.

Морозов спросил:

– Кислород отнести?

– Да, – сказал Виктор, – и давай принеси желудочный зонд. Будем его отмывать...

Морозов зачем-то подмигнул и потащил кислородные баллоны вниз.

Вилечка оторвала от синего мужика опять вцепившуюся в плечо женщину и увела на кухню расспрашивать фамилию, имя, отчество, прочие данные из паспорта.

Мужик еще раз попытался хлебнуть из кружки, но Носов уже не дал.

– Пить хочу! – сказал нетрезвый синюк и вывалил язык, задышал часто-часто, отчего еще больше стал похож на безумную собаку чау-чау.

– Вилена! – крикнул в кухню Носов. – Приготовь воды! Литров пять!

Синий мужик покачал головой:

– Не, я столько не выпью... Дай кружку! – вдруг потребовал он.

Прибежал запыхавшийся Морозов, сунул Носову желудочный зонд с воронкой и сказал:

– Толик там нервничает, до конца смены меньше часа осталось. Я сказал, что еще долго, мол, попали мы крепко... быстро не получится. Пусть себе ждет...

– Правильно, – одобрил Носов. – Сажай этого на стул и придержи руки за спиной, чтоб не мешал.

Вилечка, сгибаясь пополам, принесла из кухни пятилитровую кастрюлю с водой и таз. Носов выплеснул из кружки жижу, зачерпнул воды и протянул синему мужику.

– Пей!

Тот принял кружку и стал пить, кряхтя и морщась, будто ему дали какую-то невероятную гадость. Носов легко приподнял его и пересадил на стул, завел руки за спину (мужик совершенно не сопротивлялся), снова кивнул Морозову: держи – и сказал ласково:

– Открой рот и покажи язык! – однако любоваться на географические красоты черного языка не стал, а ткнул мокрым зондом прямо в горло – в фиолетовое жерло, из которого вырывался спиртовой дух, хоть поджигай, как бунзеновскую горелку! Мужик поспешно глотнул, и зонд провалился в пищевод.

Заправив резиновую кишку до третьей метки, Носов стал методично промывать желудок. Когда кружка зашоркала по дну кастрюли, а таз до краев наполнился водой с коричневыми пленками, он скомандовал:

– Это все вылить и еще литра полтора чистой воды в кастрюлю. Убедимся, что отмыли до блеска.

Синий мужик стойко переносил процедуру, только глядел на Носова, выкатив глаза, и дышал со свистом носом.

Когда Виктор убедился, что отмывать уже больше нечего, он быстро удалил зонд, и мужика передернуло при этом, как от электрического тока. Он утерся синей ладонью и почти трезвым голосом сказал:

– Спасибо, ребята.

– Не за что, – ответил Носов и приказал: – Собирайся давай, поедем в больницу.

– Зачем? – удивился синий мужик. – Вы же все сделали. Я в порядке...

– Это ты так думаешь, – сказал Носов, и тут до него дошло, что синюшный алкаш еще ни о чем не догадывается. Он скомандовал Вилечке запросить место, а сам, подняв мужика со стула, подвел к большому шкафу с тусклым зеркалом, стоявшему в коридоре...

Из мутного полумрака зеркального стекла на мужика надвинулось синее, совершенно вурдалачье мурло, искаженное неровностью старого зеркала, пылью и алкоголем, пропитавшим мозг. Он заслонился руками, закричал и, внезапно теряя сознание, рухнул. Носов

понял, что малость перегнул палку, покопался в нагрудном кармане и достал пластмассовый флакончик из-под капель от насморка «галазолин». Во флакончике был нашатырь, или, как его называли на «Скорой», «живая вода».

От «живой воды» синий мужик быстро пришел в себя, но был он уже не синий, а нежно-нежно-голубой. Видимо, так у него проявилась мертвенная послеобморочная бледность.

– Мужик! – сказал Носов голосом артиста Яна Арлазорова. – Ты посинел оттого, что пил вот это... – И он показал на батарею бутылок на подоконнике. – Это пить нельзя. Это для дерева. Ты дуб, мужик? Если дуб, то стоеросовый...

– Кореша посоветовали. Я хотел андроповской купить, а они – рупь восемьдесят, рупь восемьдесят! – с тихой ненавистью пробурчал голубой мужик, и Носов подумал, что, вполне возможно, одним потенциальным убийцей на Земле стало больше. Советчикам-доброхотам этот дядя вряд ли простит такую злую шутку.

Вилечка выглянула из коридора:

– Они спрашивают – какой диагноз?

– Отравление спиртовой морилкой, – объявил Носов.

– В центр отравлений Склифа, – почти тотчас же откликнулась Вилечка.

– Поехали! – в который уж раз за сутки скомандовал Носов.

Не сопротивляясь, мужик накинуд брезентовую куртку-спецовку и смирный, как провинившийся щенок, спустился в машину. Здесь он, правда, ни в какую не соглашался лечь на носилки, пришлось посадить его на откидное креслице, а Морозов опять залез на свою «плацкарту». Вилечка страшными глазами показала ему на больного, но Морозов отмахнулся – плевать...

Расстроенный Толик, у которого через двадцать минут кончалась смена, недовольно ворча, терзал стартер...

– Толик, все в твоей власти! – усмехнулся Носов. – Теперь все зависит от тебя!

– Ага! Как же, от меня, – ворчал Толик, сдавая задом и разворачиваясь, – шас, будете там сидеть...

– Толик! Мы не будем там сидеть... Сдадим голубого... и домой.

Толик перестал ворчать и заинтересовался.

– А он чего, правда – голубой? – спросил он, вкладывая в это слово совсем другой смысл.

– Правда! – ответил Носов, не замечая интонации Толика. – Не веришь – посмотри. Ты его раньше не видел, синенький, как баклажан, был!

Толик, умирая от желания увидеть настоящего голубого – в середине восьмидесятых это было редкое зрелище, – остановившись на перекрестке, выглянул в салон. И застрял. Носов, которому стало неудобно, осторожно вытащил Толика и усадил на место.

– Гудят! Толик, зеленый! – говорил Носов ничего не слышащему водителю.

– Ага, – выдавил наконец окаменевший Толик, включил передачу и тронулся... на красный. Спас его только включенный маячок – поперечные машины терпеливо пропустили сумасшедшую «Скорую», которая стоит на зеленый и трогается на красный свет.

У отделения токсикологии Толик первым выскочил из машины и побежал открывать дверь салона... Он хотел еще разочек увидеть настоящего голубого! Правда, голубой мужик уже опять стал синим. Он отрезвел, пришел в себя, оценил обстановку и понял, что на улицу днем ему выходить нельзя, а вечером – тем более... Надеялся он на чудо и на советских докторов, которые мертвого могут из могилы поднять, а уж убрать его синюю окраску и подавно...

Носов постучал в белую дверь, запертую специальным психиатрическим ключом, синий мужик занервничал: такие двери он уже хорошо знал. Открыла высокая пышная медсестра, которая тут же удалилась, а Носов, Морозов и синий мужик вошли в приемную.

Им предстала нормальная картина. Наклонившись над столом, не садясь, что-то писал в карте врач, он, не оборачиваясь, спросил:

– Что привезли?

– Отравление морилкой! – бодро доложил Носов, кладя сопроводиловку на стол, и добавил: – Для окраски дерева под дуб!

– Я понял, – не дрогнув, сказал доктор-токсиколог и вдруг спросил: – Он уже синий?

– Да, – заинтересованно проговорил Носов, – как баклажан.

Морозов слушал молча.

– Ну, пусть посидит на грядке. Сейчас оформим.

Синий мужик сел, все еще на что-то надеясь.

Носов обошел стоящего врача и, наклонившись рядом, спросил негромко:

– Коллега, объясните, отчего он синий?

Врач разогнулся и улыбнулся.

– Понимаете, коллега, вообще это очень забавно. В морилке содержится краситель – нигрозин, который растворяется исключительно в спирте, – охотно пояснял врач, – он почти нетоксичный, окрашивает дерево в коричневый цвет, а вот человека, если он его выпьет, – в синий. На этом многие накалываются. Хотят выпить водочки... а про краску-то забывают. Получается вот такая прелесть!

– И что дальше? – спросил опять Носов. – Куда его?

– Как куда? – удивился врач. – Домой пойдет, он же не самоубийца?

– Нет, – подтвердил Носов. – Это надолго?

– Ну, вот как вам сказать? Если он всю бутылку опростал, – сказал доктор, – то через полгодика, скорее всего, выцветет...

За его спиной раздался стук, синий мужик во второй раз потерял сознание... Носов вздохнул и полез в карман за «живой водой»...

На подстанцию они, конечно, приехали с опозданием, на пятнадцать минут... Но, как оказалось, почти все бригады опоздали из-за авиакатастрофы... По холлу носились фельдшеры и врачи, таскали оборудование, проверяли ящики, пополнялись медикаментами и шприцами... Отработавшие бригады собирались в конференц-зале – рассказать о выполненной работе.

Когда все отчитались, поднялся из-за стола президиума заведующий подстанцией и произнес такую речь:

– Уважаемые женщины, врачи и фельдшеры! Я прекрасно понимаю, что лето выдалось жаркое, и все-таки я убедительно прошу вас носить под халатом что-нибудь существенное, кроме бюстгалтера.

В зале установилась мертвая тишина, а Морозов произнес тихо, но ясно:

– Труссы, например... – и тут же крепко получил свернутой пачкой карточек по голове от фельдшера Сашки Гаранкиной.

Когда в зале восстановилось спокойствие, Стахис продолжил:

– Ну и напоследок фельдшеру Морозову объявляю благодарность за обнаружение еще живой пассажирки разбившегося самолета, а доктору Носову – выговор за нарушение трудовой дисциплины!

Ввернул-таки Стахис, не удержался, ибо дисциплина на подстанции должна быть: какая разница, чья дочка работает на бригаде? Он не вдавался в подробности, как нарушил дисциплину Носов, но слушок по подстанции прошел... и затих. Ничего особенного. Бывало, делили и по полночи, если работали втроем.

Глава 3

Новый год, старик

Есть два дня в году, на которые смены комплектуются в течение всего года. Это тридцать первое декабря и первое января. Смена уже не имеет значения, все считают, сколько новых годов они отработали, отстаивая свое право не работать. Трудно сказать, что происходит, но для «Скорой» эти дни самые плохие.

Старший фельдшер постарался. Тридцать первого декабря бригады были укомплектованы и даже переукомплектованы. В течение дня вся подстанция готовилась к Новому году. Плонув на риск получить нагоняй от линейного контроля, лишние, третьи, девчонки трудились на кухне, готовя салаты, нарезаая колбасу, сало и копчености. В одежных ящиках в глубоком секрете покоилось несколько бутылок шампанского и парочка пятизвездочного коньяка.

Заведующий подстанцией встречал Новый год в кругу семьи и не ведал о готовящемся безобразии. Из этого круга, несмотря на прямые родственные связи, выпала его дочь Вилена, добровольно возжелавшая работать в компании с Носовым и Володией Морозовым именно тридцать первого. Герман раздражался, убеждая дочь, что все будут дома! Нет никакой необходимости в этой жертве! Тем более что гости должны приехать! Он специально пригласил своего однокашника Яшу Левинсона с сыном Мишей, надеясь познакомить его с Виленой. Никаких стратегических планов он не строил и не рассчитывал, что тощий прыщавый Миша очарует Вилечку с первого взгляда. Скорее наоборот. Но регулярные намеки мамы, что неплохо бы познакомить Вилечку с хорошим мальчиком, его уже достали. Прыщавый Миша был хороший. Но совсем не походил на высокого ироничного Виктора Носова. Герман достал студенческую телефонную книгу из глубины письменного стола, позвонил Яше. В двух словах объяснил ситуацию, не церемонясь в выражениях. Яша недавно овдовел. Дома было скучно. Потому приглашение на Новый год к старому другу принял без колебаний. И вот тут эта обормotka в обход папиных планов договаривается со старшим фельдшером о дежурстве под Новый год! А они с женой теперь должны веселить всю ночь приглашенных гостей. Ходить перед ними на головах, старательно веселиться и излучать неподдельную радость. Герман не хотел использовать власть и поругаться с Виленой. В конце концов, все уже взрослые люди! Дочь тоже не ребенок. Он не ждал слез, знал, до этого не дойдет. Как многие отцы, он ждал мальчишку, но не случилось. Родилась Вилена, в которую вольно или невольно он заложил частичку своего мужского характера еврейского мальчика, который до самой зрелости не просто жил – а выживал в житейских перипетиях советских улиц. Твердость и гибкость, умение стоять на своем и дипломатия – все это досталось наследнице Германа. Он видел себя в ее решимости. Вспоминал себя и свои разговоры с родителями, когда привел в семью русскую невесту, жену. Он посмотрел в глаза дочери, полные любви, и только погрозил пальцем.

С утра бригада Носова работала в полном составе, на подстанцию они заезжали, только чтобы заправиться лекарствами, чистыми шприцами и выгрузить купленные продукты.

В большом холле на втором этаже устанавливались столы, сносились все стулья из конференц-зала, в одной из фельдшерских открыли окна нараспашку и устроили импровизированный холодильник, в котором все разложенные кресла были уставлены салатницами, блюдами и тарелками.

В семь, как обычно, начались рассаживания и открывания ночных бригад. Володя открыл двадцать седьмую бригаду и оставил Носова с Вилечкой на дневной вдвоем. По неписаному правилу вновь открытые бригады ставились в очередь первыми. Причина простая: по древней традиции вечерние бригады открывали вышедшие в ночь работники. А

раз пришел работать из дома – значит, не уставший. Поэтому, пока «неуставший» Морозов готовился к выезду, Витя с Вилечкой пошли на кухню, по смачному выражению Сашки Костина, «чайку испить – кишочки всполоснуть». Костин говорил, что выудил это выражение в народной русской сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Возможно, что и так. Кому это важно? Изречение нравилось. «Кишочки полоскали» регулярно.

К вечеру на подстанции царила нормальная суэта: все ходили туда-сюда, громыхали крышки алюминиевых ящиков, тонко звенели перебираемые в карманах халатов ампулы для восполнения истраченного на вызовах, периодически взрывывали динамики селектора, выкрикивающие: «Бригадам на вызов!» Ночные бригады открывались и разъезжались.

Для удобства столы выдвинули на середину кухни и обставили стульями.

Во главе большого стола сидел одинокий Костин, перебиравший гитарные струны и что-то негромко мурлыкавший себе под нос.

Носов отодвинул для Вилечки стул и спросил:

– Не помешаем?

Костин, не отвлекаясь, мотнул головой – нет проблем! Он перестал мурлыкать, принялся тренькать струнами и подстраивать гитару.

– Концерт запланирован? – спросила Вилечка.

– Угу, – сказал Костин, – Марина Ивановна, может, еще споет. В общем, все по эстафете, кто придет, тот и будет петь.

– А Женька где?

– Только что уехала. – Костин взял несколько аккордов, потом перебором проиграл вступление и пропел из Дольского: – «Мне звезда упала на ладошку. Я ее спросил: откуда ты? “Дайте мне передохнуть немножко! Я с такой летела высоты!” А потом добавила, сверкая, будто колокольчик прозвенел: “Не смотрите, что невелика я, я умею делать много дел!”» – Голос его был совсем не похож на мягкий баритон Александра Дольского, был он ниже и глубже, и песня звучала в других интонациях. – Потом. – Костин отложил гитару. – Женька поехала на «отраву» неизвестно чем.

Носов насторожился:

– Это как?

– Вот так. Пришел вызов – отравление. Без уточнений – ни возраста, ни пола, один адрес и повод.

– А почему она?

– Не было никого. Я сижу – резерва жду. Моя машина сломалась. А Женька только приехала, ей сразу вызов без задержки.

Женя Соболева поднялась на третий этаж фешенебельного кирпичного дома. Эти дома в районе назывались «цековскими», и жил там «контингент». Это выражение пошло от двух ребят: Витьки Степанова и Коли Короедова, перешедших на «Скорую» в Четвертое главное управление, там зарплата на двадцать пять процентов больше – «за контингент». Вот этот самый «контингент» и жил в элитных домах из желтого кирпича, с переходами, совмещенными с детским садом, с закрытым для «неконтингента» магазином и крепким пенсионером в подъезде у лифта в роли цепной собаки с незнакомым импортным названием «консьерж». Однако, несмотря на свою исключительность и особое обслуживание, контингент не брезговал вызывать простую «Скорую», хотя бы потому, что легче вызвать и приезжала она скорее, чем своя – из спецполиклиники.

Дверь в квартиру была не заперта. Нехороший признак.

Дверь в квартиру была не заперта. Нехороший признак, значит, вызывавший человек не рассчитывал, что сможет открыть, когда придет «Скорая». Женька настойчиво позвонила и только потом вошла. Никого. Просторная, как стадион, прихожая, по периметру

обставленная под самый потолок ломящимися от томов Всемирной библиотеки и подписанных изданий книжными шкафами. Бросился в глаза красиво оформленный плакатик за стеклом: *«Не шарь по полкам жадным взглядом, здесь книги не даются на дом!»* Толкнув высокие двойные двери с витражом, Женька вошла в гостиную. Богатый гарнитур, огромный телевизор «Сони» и видеомагнитофон. На журнальном столике большой горой валялись выпотрошенные упаковки из-под реланиума, седуксена, радедорма, тазепама. Среди бумажек виднелись прозрачные и коричневые ампулы, от которых поднимался знакомый приторный запах. Количество таблеток поражало. Не меньше трех сотен. Женька огляделась – в гостиной никого. Бросила ящик и выбежала в прихожую. Квартира огромная, запутанная, как лабиринт. Женька неслась по коридору, залетела в кухню – пусто! В одну комнату, другую, спальню... В недоумении постояла в прихожей и рванула дверь в ванную комнату. К таким ванным Женька не привыкла, тут больше подходило бы слово «бассейн». В большой круглой ванне, до середины наполненной теплой водой, лежали две девушки, голые, ярко накрашенные, лет им было по пятнадцать-шестнадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.